О. М. ИОАННИСЯН

ХРАМЫ-РОТОНДЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Типологический репертуар древнерусского храмового зодчества, сложившийся на основе византийской традиции, был сравнительно невелик. Практически на всем протяжении его развития от момента возникновения монументального строительства в конце X в. и до появления новой архитектуры в эпоху петровских преобразований основным, каноническим типом был крестовокупольный, воспринятый из средневизантийской архитектуры в момент возникновения древнерусского зодчества. Вместе с тем, развиваясь своим собственным путем, древнерусское зодчество не могло не вырабатывать и собственные типологические варианты храмового здания. Бывали даже периоды, когда эти варианты становились доминирующим архитектурным типом. Так, например, в XVI в. на первый план явно выходит тенденция создания шатровых храмов, а в XVII в. — бесстолпных, перекрытых сомкнутым сводом. Однако крестовокупольный тип продолжал существовать наряду с этими новыми вариантами, и, в конечном счете, именно он оставался каноническим.

Вместе с тем в истории древнерусского зодчества известны и случаи появления редких для православной архитектурной традиции типов храмов. К такому типу относятся центрические храмы и их производные, имеющие в основе плана ротонду с четырьмя или более лепестками либо многогранник или квадрат с вписанной в него центрической композицией, образуемой симметрично расположенными экседрами.

Сам по себе тип ротондального центрического храма нельзя считать чуждым восточнохристианской традиции. Возникнув еще в эпоху раннего христианства, такие храмы были довольно широко распространены в архитектуре ранневизантийского периода. Мы сталкиваемся с ними в Греции (храмы V-VI вв. в Филиппах[1] и Амфиполисе[2]), Малой Азии (церкви V-VI вв. в Исавре[3] и Бинбиркилиссе[4]), Сирии (кафедральный собор в Босре[5], гробничная церковь в Русафе[6], храмы в Апамее[7] и Миджлейя[8], церкви Иоанна Крестителя в Герасе[9], Архангелов в Фалула[10] — все VI в.), Константинополе (церковь Сергия и Вакха — VI в.[11]), Равенне (православный баптистерий[12] и церковь Сан-Витале[13] — обе VI в.), Риме (церковь Сан-Стефано-Ротондо[14] — VI в.), Милане (церковь Сан-Лоренцо[15] — IV в.). Центрический храм стал практически определяющим в архитектуре Армении VI-VII вв.[16], что проявилось в создании трех его основных вариантов: центрической структуры с экседрами, вписанной в прямоугольник (храмы VII в. в Аване и Рипсиме в Эчмиадзине), тетраконха (храмы в Багаране, Мастара и Воскепаре — все VII в.) и явно выраженных ротондальных объемов (Звартноц, Зоравор, Иринд, Гарни, Ишхан и Гагикашен — VII в.). Последний вариант, наиболее ярко выраженный в большом мемориальном храме Звартноц, приобретя значение канонического, вызвал большое коли-

чество повторений в архитектуре Армении X-XIII в. (храм в Санаине, Макараванке, Хцкоке и церкви Спасителя и князей рода Абугамренц в Ани), оказав также влияние на архитектуру Грузии (храм в Бана VII-XI вв.) и Кавказской Албании (храм в Леките VIII-IX вв.)[17]. В конце X или в начале XI в. ротондальный храм, образованный двенадцатью расположенными по кругу экседрами, строится в одном из крупнейших городов Болгарии того времени — Преславе[18].

Как правило, назначение центрических храмов ранневизантийского времени было строго определенным. Они строились либо в качестве мемориальных храмов — мартириев[19], либо в качестве крещальных — баптистериев[20]. И в том, и в другом случае функциональная каноничность центрического типа была обусловлена совершенно конкретными прототипами, имевшими значение общехристианских святынь. В основе центрического храма-мартирия лежит иерусалимская ротонда Воскресения, воздвигнутая над Гробом Господним[21], а в основе крещальни-баптистерия — Латеранский баптистерий в Риме[22], воздвигнутый Константином Великим. Однако в VIII-XI вв. наряду с мартириями и баптистериями начинают появляться центрические храмы, выполняющие уже иную функцию — домового храма. Прототип здесь также очевиден: в основу типологической каноничности был положен главный дворцовый храм Константинополя — церковь Сергия и Вакха. Как правило, эти функционально новые центрические храмы составляли единый комплекс с дворцовыми сооружениями.

Новый тип дворцового храма одинаково быстро прививается и на востоке, и на западе христианского мира. Причем и в этом случае первые сооружения подобного типа — дворцовый храм св. Доната в Задаре (IX в.) и дворцовая капелла Карла Великого в Аахене (конец VIII — начало XI в.)[23] — также становятся каноничными. Однако если каноничность центрических мартириев и баптистериев в эпоху раннего христианства была несомненной, а география их распространения охватывала фактически всю ойкумену христианского мира, то дворцовые ротонды, появившись и на Востоке, и на Западе, распространяются в архитектуре европейского Средневековья не столь стремительно, причем основным регионом их распространения становятся вновь христианизируемые страны Центральной Европы.

Временем распространения дворцового храма-ротонды были в основном IX-X века. В архитектуре восточнохристианской Европы к этому периоду относится Круглая церковь в Преславе (Болгария), в латинских Центральной и Западной — группа так называемых "палатиумов с ротондами" в Польше (Краков, Геч, Вислица, Острув-Ледницки, Перемышль)[24] и замковые капеллы каролингской эпохи в различных странах Западной Европы.

К IX-X вв. функциональный и географический акценты в строительстве ротондальных храмов по сравнению с ранним Средневековьем существенно смещаются. В функциональном плане это выразилось в том, что мартирии и баптистерии, хотя их и продолжали строить, уже не являлись столь распространенным типом храма; среди ротондальных построек явно преобладают дворцовые храмы. Географически же это проявилось в очевидном перемещении развития ротондального храма в архитектуру Запада.

В дальнейшем, в XI-XIV вв., византийская архитектура фактически отказывается от ротондального храма, разрабатывая центрический принцип композиции в русле совершенно иной системы — крестовокупольной, тогда как на Западе этот тип начинает приобретать все большее распространение. Правда, и там в архитектуре каролингского времени и романской эпохи он не стал основным — главное место принадлежало базиликальному типу,

однако, в то время как в архитектуре восточнохристианского мира строительство ротондальных храмов практически сходит на нет, западноевропейская архитектура по-прежнему опирается на этот тип.

В архитектуре Запада традиционная функция баптистерия сохраняется за центрическим храмом-ротондой на протяжении всего средневекового периода. Однако такие храмы носят чисто служебный характер, будучи, по существу, отдельно стоящими капеллами при соборах, они появляются все реже и реже и строятся главным образом на фундаментах более древних зданий той же формы и назначения (характерный пример — флорентийский баптистерий XII-XIII вв.[25] и баптистерий в Пизе XI-XII вв.). Гораздо большее значение приобретает функция дворцового храма. Однако, по сравнению с каролингским и предроманским временем, она воплощается в создании иного типа ротонды. На смену монументальным, сопоставимым по масштабам с самим дворцовым сооружением, круглым храмам приходят маленькие, представляющие собой капеллы, нередко вообще являющиеся не зданиями, а круглыми или многолепестковыми отдельными камерами в системе замковых интерьеров[26].

Как уже говорилось выше, в XII-XIII вв. основным регионом распространения ротондальных храмов становятся страны Центральной Европы — Чехия, Польша и Венгрия, причем в Польше и особенно в Чехии они стали в это время одним из главных канонических типов храма[27]. Чем же была вызвана столь широкая распространенность ротонд в романской архитектуре этих стран?

Христианизация Центральной Европы произошла значительно позже, чем остальных стран христианской ойкумены Средневековья (за исключением Руси, Скандинавии и Прибалтики, где этот процесс осуществился еще позднее), — в IX-X вв.[28] Первым христианским государством в этом регионе была Великая Моравия, куда христианство принесли великие просветители славян Кирилл и Мефодий. И первые же построенные в ее столице — Микульчице — храмы были ротондами[29]. По всей видимости, выбор этого типа храма для столицы был не случаен. Ротонды в Микульчице, по сути дела, стали первыми христианскими сооружениями, построенными на землях неофитов, каковыми были в то время западные славяне. Совершенно очевидно, что здесь явно подчеркивается крещальная функция храма-ротонды, восходящая к одной из традиционных его функций — баптистерию. Авторитет Кирилла и Мефодия, деятельность которых уже в эпоху Средневековья воспринималась как апостольская, среди славянских народов был настолько велик, что возведенные по их инициативе в столице Великой Моравии храмы приобрели значение канонических святынь.

Микульчицкие ротонды послужили образцами для довольно значительной группы храмов, возведенных на территории Центральной Европы в эпоху Великоморавской державы. Таким образом, ротондальный тип уже в этот период становится каноничным для архитектуры Центральной Европы.

И в более позднее время — в XI-XIII вв., когда Великой Моравии уже не существовало, — ротонды продолжают оставаться одним из основных канонических типов архитектуры Чехии и Польши. Хотя миссионерская задача, требовавшая строительства храмов, типологически восходящих к баптистериям, в этих странах уже стала достоянием прошлого, центрический тип, закрепленный апостольским авторитетом Кирилла и Мефодия, прочно укоренился в их церковной традиции. Ротонды строились здесь и в качестве небольших приходских храмов (в Польше — ротонды в Стронье, Цешине, Стрельно, Гжегожевице[30], в Чехии — церкви в Добржиховице, Голубице,

Старом Пльзенце, Желковице, костелы св. Креста, св. Лонгина и св. Мартина в Праге[31]), и в качестве частновладельческих и замковых церквей (в Польше — ротонда св. Прокопа в Стрельно[32], в Чехии — ротонды св. Иржи в Ржипе[33], Марии Магдалины в Пржедни-Копанине и св. Вацлава в Либоуне[34]).

Еще одна причина, обусловившая особое пристрастие к храмам-ротондам в романской архитектуре, заключалась в прямой апелляции к ротонде Гроба Господня в Иерусалиме. Но теперь это уже было связано не с созданием мемориальных храмов-мартириев, а с программным обращением к образу иерусалимской ротонды — главной святыни христианского мира, вызванным эпохой крестовых походов. Поэтому не случайно широкое распространение ротондальных храмов в странах, рыцарство которых приняло участие в крестовых походах, причем именно в качестве личных и замковых церквей феодалов. Таким образом, наряду с уже сложившимися функциями замковых и личных церквей у ротонд появилась и еще одна — быть обетными рыцарскими капеллами. В этой ипостаси слились две их прежние функции — ставшая уже традиционной функция дворцового или личного храма и традиция, идущая, как и в раннехристианских мартириях, от иерусалимской ротонды.

Старая функция центрических храмов-мартириев, храмов-мавзолеев нашла своеобразное отражение в распространившихся к XII-XIII вв. в архитектуре Венгрии (включая Трансильванию и Словакию) кладбищенских храмах-ротондах (капеллы в Яке и в Папоце, церкви в Одоргей и Гурасаде)[35].

Еще одним регионом, где ротондальный тип храма получил в XII-XIII вв. широкое распространение, была Северная Европа — север Германии, Скандинавия и Прибалтика (церкви в Шламерсдорфе близ Любека в Германии, ротонды на острове Борнхольм, в Роскильде и в Сёборге в Дании, церкви в Хагби и Висби в Швеции, недавно обнаруженная ротонда в Риге и др.)[36]. Однако в этих странах ротонды имели иное назначение. Они, как и в Центральной Европе, служили приходскими церквами, но приходы, в которых они строились, были определенного свойства — это *были торговые поселения, жители которых занимались торговлей с далекими* странами и мореплаванием. Здесь мы также сталкиваемся со своеобразной интерпретацией типа обетного храма, но уже не рыцарского, а скорее паломнического. Такое понимание этой темы было более свойственно путешественникам-торговцам Северных морей, но в конечном счете, как и в палладинских рыцарских церквах, восходило к идее Иерусалимского храма.

Итак, если в эпоху раннего христианства ротондальные храмы получают широкое распространение во всем христианском мире, то уже с X в. этот тип используется преимущественно романской архитектурой, причем в основном на периферии — в странах Центральной и Северной Европы. При этом происходит и расширение фунционального репертуара таких храмов — они играют роль дворцовых церквей и замковых капелл, становятся обетными храмами рыцарей-палладинов и мореплавателей-торговцев, приходскими и кладбищенскими церквами. Однако во всех этих случаях их новые функции так или иначе восходят к идее, заложенной в изначальном прототипе — ротонде Гроба Господня в Иерусалиме.

Среди стран, в которых получил распространение тип центрического ротондального храма, мы еще ни разу не называли Древнюю Русь, однако в домонгольской Руси ротонды тоже строились. Правда, в отличие от Центральной и Северной Европы, они здесь немногочисленны и являются скорее исключением в общем контексте развития древнерусского зодчества. Тем

не менее сам факт существования такого типа построек на Руси — явление самобытное, анализ которого помогает углубить представления о месте древнерусского зодчества в общей картине развития архитектуры средневековой Европы, проследить его международные связи.

Монументальное зодчество на Руси возникло лишь после христианизации ее в конце X в. Принятие Русью христианства по восточному образцу из Византии, постройка первого храма — церкви Богородицы (Десятинной) — константинопольскими мастерами и осуществлявшийся по крайней мере на первых порах контроль за каноничностью храма со стороны греческого клира обусловили и типологический репертуар древнерусского зодчества. К тому моменту, когда Русь приняла христианство, в Византии уже безраздельно господствовал тип крестовокупольного храма[37]. Именно его принесли на Русь первые строители древнерусских монументальных храмов — византийские мастера. После постройки Десятинной церкви в конце X в. и ряда грандиозных киевских храмов в XI в. этот тип становится на Руси не только каноническим, но и практически единственным. С конца X в. на протяжении нескольких столетий все развитие древнерусского зодчества идет по пути интерпретирования этой архитектурной системы. Правда, уже с самых первых лет становления древнерусской архитектуры крестовокупольный тип византийского храма подвергается весьма существенному переосмыслению, и его развитие на Руси не повторяет византийскую схему. Но в целом древнерусское зодчество вплоть до XVI в., когда появляются шатровые храмы, не выходит за пределы жесткой каноничности крестовокупольной системы.

Тип ротондального храма к концу X в. прочно становится достоянием в основном романской архитектуры. Уже поэтому он должен был восприниматься на Руси как иноверческий, "латинский" и не мог приобрести значение канонического. Случаи появления ротонд в древнерусском зодчестве домонгольской эпохи единичны, и каждый подобный факт имеет, видимо, свою особую причину, причем всякий раз в той или иной степени это, должно быть, связано с воздействием на древнерусское зодчество романской архитектуры. Изучение всех известных нам древнерусских ротонд домонгольской эпохи подтверждает такое предположение.

В домонгольском периоде развития древнерусского зодчества мы знаем лишь семь случаев строительства храмов-ротонд. Правда, следует учитывать, что по мере открытия новых памятников число это может увеличиться. Но даже тогда доля ротондальных храмов в общем объеме церковного строительства на Руси будет абсолютно ничтожна. Одна из известных к настоящему времени ротонд была построена в XII в. в Киеве, одна — в том же столетии в Смоленске, остальные пять — в Галиче и Галицкой земле (церковь-квадрифолий, вошедшая в науку под условным названием "Полигон", близ Галича, ротонда-квадрифолий у села Побережье в окрестностях Галича, по местному преданию посвященная Борису и Глебу, церковь пророка Ильи в древнем Галиче, Воскресенская ротонда там же и ротонда на городище Олешков в Галицкой земле). Все галицкие ротонды можно уверенно датировать второй половиной того же, XII в., за исключением Воскресенской, точные основания для датировки которой отсутствуют, хотя нет и сомнений, что по времени возникновения она выходит за пределы домонгольской эпохи, то есть за середину XIII столетия.

Некоторые исследователи включают в число галицких ротонд и дворцовую ротонду в Перемышле[38], ротонду святого Николая там же[39] и ротонду в Горянах близ Ужгорода[40]. Однако дворцовую ротонду, а также и сам

дворец в Перемышле следует датировать более ранним временем — X столетием и рассматривать как памятник, возведенный еще до того, как Перемышль, входивший в польскую державу Пястовичей, стал древнерусским городом[41]. К тому же периоду относится и перемышльская ротонда святого Николая[42]. Таким образом, оба эти памятника не имеют отношения к развитию собственно галицкого зодчества и лежат вне русла истории древнерусской архитектуры, целиком принадлежа предроманской архитектуре Польши. Так же обстоит дело и с Горянской ротондой. Вопреки не выдерживающим критики попыткам датировать этот памятник XII и даже X (?!) столетием[43] и тем самым ввести его в круг памятников древнерусского галицкого зодчества, Горянская ротонда[44] представляет собой хрестоматийный памятник венгерской романской архитектуры XIII в.[45], к тому же возведенный на территории, никогда не входившей в состав древнерусского государства, а принадлежавшей королевству Венгрии.

Приведенный выше список домонгольского периода показывает, что только в галицком зодчестве, где мы сталкиваемся с пятью из семи известных нам примеров этого типа, как бы сложилась традиция строительства центрических храмов; в других городах Древней Руси подобные сооружения — явление уникальное (по одному в Киеве и в Смоленске).

Попробуем разобраться в причинах возникновения этого неканоничного типа в древнерусской архитектуре. Начнем с галицкого зодчества, где, как было сказано, можно констатировать наличие определенной традиции строительства таких храмов. К сожалению, точных сведений об их назначении у нас нет. Степень изученности культурного слоя вокруг остатков галицких ротонд, также находящихся в "археологическом" состоянии, явно недостаточна для того, чтобы на основе его анализа определить функцию этих храмов, а какие-либо письменные источники, могущие пролить свет на их назначение, вовсе отсутствуют. Поэтому при попытке выявить функциональное назначение галицких ротонд приходится исходить из анализа косвенных данных: их датировки, типа, аналогов и стилистических особенностей, а также исторического контекста и топографии этих памятников в градостроительной композиции древнего Галича.

Не останавливаясь подробно на датировке галицких ротонд и отослав читателя к работам, где эта проблема специально рассматривается[46], напомним уже приведенную в настоящей статье датировку этих памятников второй половиной XII в., которая базируется целиком на археологических данных. В это время строительство в Галиче вела артель мастеров, связанных в своем творчестве с романской архитектурой Венгрии[47]. Именно в венгерском зодчестве XI-XIII вв. получил особое распространение тип ротонды-квадрифолия[48], к которому относятся две из известных нам центрических построек Галича — церковь у села Побережье[49] и так называемый "Полигон"[50]. Церковь пророка Ильи[51] представляет собой одноапсидную ротонду с примыкающей к ней с запада башней — тип храма, хорошо представленный и в романской архитектуре Центральной Европы (церковь св. Прокопа в Стрельно в Польше[52] и церковь св. Иржи в Ржипе в Чехии[53]). Романское происхождение галицких ротонд несомненно, однако в таком случае возникает вопрос: для кого и для чего они предназначались?

Квадрифольные в плане ротонды в романской архитектуре Венгрии, как правило, служили кладбищенскими или мемориальными храмами (ротонды в Одоргей и в Гурасаде в Трансильвании или капеллы в Яке и в Папоце в собственно Венгрии). Характер погребений, обнаруженных у галицких ротонд, не дает оснований считать, что и они выполняли мемориальную

функцию. Практически все находящиеся там захоронения были совершены уже после того, как эти постройки перестали существовать. Ротонды с западными башнями, предназначенными для входа на эмпоры, относятся уже к типу частного рыцарского храма. Предположение о том, что галицкие ротонды были частновладельческими храмами, принадлежавшими своевольному галицкому боярству — среди которого, кстати, были и представители венгерских рыцарских родов, — весьма соблазнительно, однако и оно не может быть принято. Функцию частновладельческого храма нельзя соотнести ни с церковью пророка Ильи, ни с обеими квадрифольными церквами древнего Галича. Этому противоречат два обстоятельства. Во-первых, такие храмы должны были бы находиться на территории частных владений, то есть укрепленных феодальных замков, которые в Галицкой земле, в отличие от других древнерусских княжеств, получили довольно широкое распространение[54]. Однако ни один из этих трех памятников не находится на территории такого замка, и какие-либо следы укреплений вокруг них отсутствуют.

Второе же и, пожалуй, основное обстоятельство заключается в том, что во времена княжения в Галиче Ярослава Осмомысла, когда были возведены упомянутые ротонды, монументальное строительство было всецело сосредоточено в княжеских руках; строительная артель вряд ли могла оказаться частным делом. Чуть ниже на примере двух других галицких центрических храмов — Воскресенской церкви и ротонды на городище Олешков — мы получим этому достаточно веское подтверждение.

Не менее соблазнительно было бы связать постройку квадрифольных храмов и Ильинской церкви в Галиче со временем венгеро-польской интервенции в начале XIII в.[55] В таком случае можно было бы предположить, что они были построены занявшими Галич "латинянами" для своих нужд. Однако этому, как мы уже видели, противоречит датировка ротонд временем княжения Ярослава Осмомысла, то есть второй половиной XII в.

Итак, галицкие ротонды — оба квадрифолия и церковь пророка Ильи — были построены княжескими мастерами и, скорее всего, для нужд православных. О том, что использовались они не "латинянами", а православными, говорит и посвящение одного из храмов. Судя по сведениям позднесредневековых источников и местным преданиям, церковь-квадрифолий у села Побережье была посвящена святым Борису и Глебу[56], что полностью исключает возможность использования ее для нужд католиков.

Интересна топография расположения белокаменных ротонд древнего Галича: и "Полигон", и квадрифолий у села Побережье, и церковь пророка Ильи расположены не в самом городе (на городище в селе Крылос), а в его окрестностях. Это заставляет предположить, что они были храмами небольших загородных монастырей[57]. Предположение подтверждается теми же источниками, из которых известно посвящение квадрифолия у села Побережье, — согласно им, на месте, где были раскопаны остатки ротонды, некогда находился Борисоглебский монастырь.

Однако в таком случае возникает вопрос: каким образом оказалось возможным строительство храмов по "латинскому" образцу, предназначенных тем не менее для православных, а не для католических заказчиков? Происхождение этих типов само по себе вполне объяснимо. Вспомним, что в то время, когда появились галицкие ротонды, строительство в Галиче велось силами венгерской артели мастеров. Между тем именно в романской архитектуре Венгрии получил особое распространение квадрифольный тип ротонды, к которому принадлежат два галицких храма[58]. Не исключено,

что инициатива выбора типа храма в случае с галицкими ротондами принадлежала не заказчику (князю или епископу), а самим зодчим. Строгое соблюдение канона и диктуемое им создание храма в крестовокупольной системе, по всей видимости, распространялось лишь на наиболее значимые, с официальной точки зрения, сооружения, каким был, например, возведенный теми же мастерами главный храм княжества — Успенский собор в Галиче; в менее же значительных с этой точки зрения храмах выбор типа мог быть предоставлен самому зодчему. По всей видимости, именно так произошло и в нашем случае, и работавший в Галиче венгерский зодчий, учитывая масштабы тех небольших обителей, какими, скорее всего, и были княжеские пригородные монастыри, возвел привычные для него ротондальные постройки. То, что они не вызвали неприятия со стороны заказчиков, можно объяснить и еще целым рядом причин. Во-первых, антагонизм между западной и восточной христианскими церквами, несмотря на произошедший в середине XI в. раскол, был еще не очень силен, и многое из обихода "латинской" церкви допускалось в практике православного церковного искусства[59]. Во-вторых, Венгрия к моменту создания галицких ротонд после поражения в венгеро-византийских войнах вынуждена была признать духовную супрематию Константинополя[60], и принятый в ней тип храма-ротонды мог восприниматься православным заказчиком в Галиче как вполне каноничный. В-третьих, этому немало способствовало и то обстоятельство, что в центральноевропейских странах тип ротондального храма прочно связывался с деятельностью Кирилла и Мефодия, авторитет которых был очень высок во всем славянском мире, в том числе и на Руси[61]. В-четвертых, на Руси, по всей видимости, и в XII в. еще жива была традиция, в соответствии с которой крещение князя Владимира Святославича, сделавшего христианство государственной религией, происходило в баптистерии кафедрального собора Херсонеса (так называемой "Уваровской" базилики), который имел форму октагона с тремя экседрами и притвором с запада, очень близкую к квадрифолию[62]. Для Галича, теснейшим образом связанного с Византией и ее причерноморскими владениями, знакомство князя, кого-либо из его окружения или высшего духовенства с главным херсонесским баптистерием, который в этом время продолжал еще существовать[63], вовсе не удивительно. И наконец, в-пятых, в первой столице Галицкой земли, Перемышле, уже стояли две ротонды — дворцовая и святого Николая, построенные еще тогда, когда город входил в состав государства Пястовичей. Их существование в Перемышле, несомненно, должно было подготовить восприятие этого типа в Галицком княжестве если не как каноничного, то вполне привычного для заказчиков.

Благодаря всему этому тип центрических храмов получил гражданство в галицком зодчестве, а их строительство сложилось в определенную традицию. Более того, тот факт, что ротонды возводились княжескими мастерами и по княжескому заказу, вызвал появление в Галицкой земле двух совершенно уникальных памятников — деревянных храмов-ротонд. Это тем более удивительно, что сама форма круглого храма противится воплощению в таком материале, как дерево.

Первый из этих храмов — ротонда на городище Олешков[64] — представляет особый интерес. Ее остатки в виде каменного фундамента и столбовых ям были раскопаны в 1981-1982 гг. Б. П. Томенчуком. Ротонда выглядела как многогранный сруб диаметром 19,45 см с тремя гранеными апсидными выступами. Ее деревянный купол опирался на вертикально врытые в материк столбы, расположенные по кругу диаметром 8,3 м. Этим

кольцом из опорных столбов и создавалось основное пространство храма, в то время как окружающий его граненый сруб образовывал своеобразный кольцевой обход-галерею. Исключительный интерес представляет плиточный пол ротонды: в самом центре ее из разноцветных поливных плиток фигурной формы было выложено большое (почти заполняющее амфалий) изображение орла в геральдической позе[65]. Эта мозаика в точности повторяет миниатюрные рельефные изображения орла на поливных плитках из белокаменных княжеских построек Галича (Успенский собор, "Полигон"). Полное совпадение сюжетов на плитках из княжеских построек и в рисунке пола Олешковской ротонды заставляет датировать ее тем же временем, то есть второй половиной XII в.

Столь специфичный и к тому же явно геральдический характер роскошного мозаичного пола, равно как и необычный для деревянного храма тип ротонды свидетельствуют о том, что заказчиком храма было весьма знатное лицо, хотя, видимо, и не князь. В последнем случае храм был бы построен не из дерева, а из камня. В то же время постройка явно неординарна. Примечательно и место, где она была возведена. Городище Олешков представляет собой не княжеский город, а классический для Галицкой земли укрепленный феодальный замок[66]. Очевидно, что перед нами — типичная частновладельческая церковь. Вопрос о том, кто был владельцем замка, требует специального исследования, однако для нас важно то обстоятельство, что некое весьма знатное лицо, явно не имея возможности воспользоваться услугами княжеской артели мастеров, строит для себя ротондальный храм в столь не приспособленном для такой формы материале. Последнее, кстати, является и одним из косвенных доказательств того, что каменные ротонды Галича были не частновладельческими, а княжескими постройками.

Но почему же все-таки владелец олешковского замка избрал для своего храма форму ротонды, воплощая ее в столь несвойственном для этого материале? Казалось бы, здесь мы сталкиваемся с использованием центрического храма в уже ставшей для него традиционной функции рыцарского замкового храма. И это безусловно так. Однако, на наш взгляд, основная причина заключалась не в этом. Скорее всего, здесь мы имеем дело с типичной для древнерусского зодчества ситуацией, когда тип храма определялся не столько его каноничностью, сколько амбициями заказчика, стремившегося построить свой храм по престижному образцу. Так, еще в XI в. строительство в Киеве, явно ориентировавшееся на столичный вариант архитектуры Византийской империи, заставляло строить "как в Царьграде", а в XII в. главные храмы всех древнерусских княжеств, несмотря на особенности строительных и архитектурно-художественных традиций, повторяли киевские образцы. Канон в древнерусском зодчестве определялся не литургическими причинами, а скорее амбициозным стремлением князей иметь храм "как в Киеве". То же самое произошло и с неизвестным нам заказчиком олешковской ротонды. Ротонды явно выделялись на общем фоне галицкого зодчества, которое, несмотря на использование романской строительной техники, элементов романской системы декоративного убранства и существенной "романизации" архитектурного языка, в целом, однако, развивалось в русле общего для всей древнерусской архитектуры типологического канона крестовокупольного храма. Поэтому они могли восприниматься как отличительный признак именно княжеского строительства, служа довольно лакомой приманкой для повторения "престижного" образца. Стремясь иметь храм "как в Галиче", "как у князя", владелец олешковского

замка выбрал тип храма-ротонды, но, не имея княжеской артели, смог возвести ее только из дерева.

Второй деревянный центрический храм — Воскресенская ротонда — был возведен в самом Галиче. Правда, не на детинце и не в округе стольного города, а в непосредственной близости от городской княжеской резиденции на Золотом Току. Тем не менее он занимал весьма обособленное место в топографии древнего Галича. Храм был поставлен на маленьком плоском плато — вершине высокого холма с довольно крутыми склонами, представляющими собой как бы естественные укрепления. Таким образом, находясь поблизости от центра древнего города — между детинцем и посадом "Подгородьем", он в то же время был совершенно изолирован от них.

Остатки ротонды на урочище "Воскресенское" были открыты Я. Пастернаком в 1941 г.[67] Они представляли собой фундаменты — очень тонкие и очень неглубокого заложения, — сложенные насухо из обломков белого камня. Я. Пастернак и консультировавший его искусствовед М. Драган так и не смогли интерпретировать раскопанный памятник, предложив несколько вариантов его возможной реконструкции, однако безусловно считали найденные руины остатками каменной ротонды. Повторные раскопки памятника, проведенные в 1989 г. Ю. В. Лукомским и автором этих строк, подтвердили точность фиксации обнаруженных руин Я. Пастернаком (до сих пор она вызывала сомнения исследователей) и вместе с тем добавили достаточно много новых данных для интерпретации памятника.

Как уже отмечалось, фундамент ротонды очень неширокий, всего 70 см. Глубина заложения его также практически ничтожна — всего 35-40 см (правда, следует учитывать, что в действительности она была несколько большей, так как верхняя часть фундамента испорчена постоянной распашкой площадки), при этом он лишь слегка заглублен в материк. Какие-либо следы раствора или разрушенных стен на площадке Воскресенской церкви вообще отсутствуют. Таким образом, если характер фундамента свидетельствует о небольшой легкой постройке, то полное отсутствие развалов раствора и камня указывает на то, что постройка эта была деревянной.

Что же представляла собой деревянная Воскресенская ротонда в Галиче? Обращает на себя внимание тот факт, что на плато урочища Воскресенское отсутствуют не только следы развалин, но и какой-либо культурный слой вообще. Поэтому здесь не приходится говорить ни о феодальной усадьбе, ни о монастыре. Но если культурный слой на площадке отсутствует, то погребения обнаружены в большом количестве. Довольно значительная их часть относится к тому времени, когда церковь уже не существовала, однако есть все основания предполагать, что некоторые захоронения были произведены еще во время ее функционирования. В таком случае Воскресенская ротонда, скорее всего, имела характер мемориального храма, то есть выполняла функции, традиционные для храма-ротонды. Однако почему она была выстроена из дерева, а не из камня, остается только гадать. Был ли это частновладельческий храм, служивший усыпальницей какого-то знатного рода, или часовня одного из городских кладбищ, или временная постройка, которую так и не заменили монументальной, — вопрос проблематичный.

Столь же сложно и датировать ее более точно, чем в общих границах домонгольского времени, то есть XII-XIII вв. Какие-либо штрихи, дающие возможность уточнить эту датировку, к сожалению, отсутствуют.

Итак, мы видим, что в галицком зодчестве XII-XIII вв. сложилась определенная традиция строительства храмов-ротонд. Правда, этот тип культового здания не стал основным — пальма первенства оставалась за кре-

стовокупольными храмами. Функциональное назначение галицких ротонд было нетрадиционным. Если в романской архитектуре, так же как и в раннехристианской, ротонды имели строго определенные функции, то в православном Галиче они, скорее всего, выполняли довольно необычную функцию монастырских храмов. Ни светская, ни церковная власть не налагали здесь, в Галиче, вето на строительство храмов неканонизированного типа, однако фактическое отсутствие в Древней Руси традиции строительства баптистериев, мартириев, частных домовых храмов привело к тому, что, обращаясь к нетрадиционному типу, заказчики придавали ему более привычную для них функцию, например монастырской церкви.

Более близким начальным функциям ротондальных храмов оказывается предназначение Воскресенской и Олешковской ротонд. Однако если в первой из них мы сталкиваемся с традиционным для ротонды использованием в качестве мемориального храма, то возведение олешковской церкви как частновладельческого храма может не восходить напрямую к иерусалимской тематике, заложенной в палладинском рыцарском храме, а апеллировать к престижности княжеского строительства.

В отличие от галицкой традиции два других случая появления ротонд на древнерусской почве совершенно уникальны и прямо связаны с изначально заложенными в этом типе функциями.

Киевская ротонда, раскрытая в ходе раскопок 1975-1976 гг. Я. Е. Боровским и П. П. Толочко, представляет собой довольно внушительных размеров сооружение, возведенное в традиционно киевской строительной технике из плинфы[68]. Формат плинфы и строительно-технические особенности позволяют датировать ее второй половиной XII в. Необычность памятника заставила исследователей интерпретировать его не как культовое, а как светское здание-дворец[69]. Однако такая интерпретация была принята не всеми: высказывались и предположения о том, что киевская ротонда была католической церковью[70].

Истинное назначение постройки раскрывается из анализа плана Киева конца XVII в., составленного в 1695 г. полковником Иваном Ушаковым. Там, где впоследствии были раскопаны остатки ротонды, на плане Ушакова значится католическая церковь св. Екатерины[71]. Даже если у Ушакова речь идет о какой-то другой церкви, возведенной на этом месте позднее, вряд ли приходится сомневаться, что традиция в принадлежности этого участка земли и в назначении храма была сохранена. В Киеве уже к XIII в. существовала миссия монахов-доминиканцев[72], однако не исключено, что первые католические миссионеры могли появиться там и ранее, еще в XII столетии. Именно это столетие ознаменовалось активизацией католического миссионерства на Руси, о чем свидетельствует письмо Матвея епископа Краковского Бернару Клервоскому[73]. В таком случае киевская ротонда является каменным свидетельством деятельности католических миссионеров на Руси.

Это объясняет и выбор типа ротонды для киевского памятника. Выше мы уже отмечали оживление интереса к этому типу в эпоху крестовых походов. Помимо символики, связанной с Иерусалимским храмом, в киевской ротонде нашла свое отражение и символика крещального храма, баптистерия. Для миссионерского храма, каким, скорее всего, была киевская ротонда, соединение этих двух символик совершенно естественно. По всей видимости, постройке придавалось особое значение, чем и объясняются ее внушительные размеры. Это и не удивительно, если учесть, с каким вниманием следил за попытками "обращения Руси" вдохновитель крестовых

походов Бернар Клервоский. По-видимому, для строительства в Киев был послан западный архитектор, однако мастера, под его руководством возводившие ротонду, вне всякого сомнения, были киевлянами, о чем наглядно свидетельствуют строительный материал и техника, в которой она была построена.

Откуда прибыл в Киев зодчий, руководивший строительством, нам неизвестно. Буквальных аналогий этому памятнику в архитектуре XII в. пока найти не удается, однако, учитывая близость его плана некоторым раннехристианским сооружениям Рима (например, Сан-Стефано-Ротондо), а также то, что в эпоху крестовых походов именно в Италии сохранялась традиция строительства ротондальных баптистериев (Пизанский и Флорентийский баптистерии), можно предположить, что это был итальянец.

Таким образом, в отличие от галицких ротонд, киевская имеет строго определенные функции, причем именно те, которые были свойственны таким храмам в романской архитектуре. Если галицкие ротонды строились западноевропейской артелью мастеров, но для православных заказчиков, и выполняли несвойственные этому типу функции, то киевская ротонда, наоборот, строилась киевскими мастерами (правда, под руководством западного зодчего), предназначаясь, однако, для заказчиков-"латинян" и выполнения функций, в основе которых лежит характерная для романской архитектуры традиция.

С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся и на примере смоленской ротонды. Памятник этот был раскопан в 1958 г. Д. А. Авдусиным[74]. Так же как и в случае с киевской ротондой, необычность плана заставила исследователя увидеть в ней не храм, а оборонительную башню[75]. Ошибочность этой интерпретации была аргументированно доказана П. А. Раппопортом, указавшим на то обстоятельство, что остатки смоленской ротонды обнаружены на том месте, где в древнем Смоленске находился "немецкий двор" — фактория купцов из Северной Германии и Скандинавии, ведших торговлю "Готского берега" (о-в Готланд) с Византией[76]. Одним из крупных перевалочных пунктов этого торгового пути в верховьях Днепра был Смоленск, где находились торговый двор и церковь североевропейских купцов-путешественников, не раз зафиксированные в письменных источниках[77]. Не оставляет сомнений и сам характер памятника, имеющего буквальные аналогии в церквах-ротондах Северной Германии и Скандинавии (ср., например, с такими постройками, как церковь в Шламерсдорфе близ Любека в Германии[78], капелла замка Сёборг[79] и церковь в Бьернеде в Дании[80], церковь в Хагби[81] и церковь святого Духа в Висби на острове Готланд в Швеции[82]). Здесь, как и в случае с киевской ротондой, мы явно имеем дело с храмом, построенным для иноземного заказчика, но силами смоленских мастеров, о чем неопровержимо свидетельствуют строительно-технические особенности памятника. Зодчий же, как и в Киеве, должен был быть не местным, а скандинавским или северогерманским, специально вызванным или привезенным для возведения этого храма. Время возведения смоленской ротонды с достаточной степенью точности определяется особенностями ее строительной техники и форматом плинфы, на основании которых ее можно датировать 70-ми или 80-ми годами XII в.

Таким образом, в двух из семи известных нам случаев появления ротонд на древнерусской почве мы сталкиваемся со строительством этих храмов для иноземцев католиков (в Киеве и в Смоленске), в Галиче же, где строительство центрических храмов приобрело характер более или менее устойчивой традиции, они возводились для нужд местных православных

заказчиков, однако под явным воздействием импульсов, идущих из романской архитектуры.

После монгольского нашествия, во второй половине XIII-XIV в., случаи появления ротонд становятся еще более редкими. В Северо-Восточной Руси (Владимир, Ростов, Москва, Тверь) вообще ни одной ротонды этого времени обнаружено не было. На юго-западе же — в Галицко-Волынском княжестве — мы опять сталкиваемся с несколькими храмами, принадлежащими к этому типу, однако уже не на территории Галича и Галицкой земли, а на Волыни. Два из них находятся в столице Волыни — Владимире-Волынском: большая Михайловская ротонда[83], остатки которой были раскопаны в 1956 г. М. К. Каргером, и прекрасно сохранившаяся до наших дней многолепестковая в плане Васильевская церковь[84]. Первая их них датируется второй половиной XIII в., вторая — концом XIII — первой половиной XIV в.[85]

Так же как и в случае с галицкими ротондами, определить назначение этих храмов весьма трудно. Однако то, что они были выстроены княжеской строительной артелью, посвящение Васильевской церкви, а также расположение Михайловской ротонды в непосредственной близости от нее и, возможно, в одном с нею комплексе, заставляет считать, что они тоже возводились для местных православных заказчиков. Не исключено, что, подобно галицким ротондам, волынские были монастырскими храмами.

Третий памятник, также находящийся на Волыни и датируемый второй половиной XIII в., вообще не является самостоятельным зданием, а представляет собой круглую в плане часовню, вписанную в верхний ярус оборонительной башни-донжона в Столпье (теперь на территории Польши)[86]. Здесь мы сталкиваемся с классическим для романской архитектуры примером использования ротонды в качестве замковой капеллы, причем как одного из помещений самого замка. Капелла донжона в Столпье, как, впрочем, и сам донжон, а также другие сохранившиеся на исторической территории Волыни башни такого типа (в Каменце-Литовском в Белоруссии и Белавине под Холмом в Польше[87]) являются несомненно романскими памятниками, возведенными на Руси романскими же мастерами, однако для древнерусских заказчиков. Для оборонительного зодчества — тем более в землях, находившихся непосредственно на границе с западным миром, — такое заимствование из арсенала архитектуры сопредельных стран вряд ли удивительно.

Итак, мы видим, что несмотря на господство крестовокупольной схемы тип храма-ротонды встречается в древнерусском зодчестве XII-XIII вв. Однако только в Галицкой земле в XII в. и на Волыни во второй половине XIII в. строительство таких храмов сложилось в некую традицию. Несмотря на то что в зодчество Галича и Волыни тип храма-ротонды был принесен романскими мастерами, заказчиками таких построек были православные, и функционально они предназначались для нужд православной церкви. Правда, их "латинское" происхождение послужило причиной того, что этот тип так и остался на периферии развития древнерусского зодчества. Отдельные случаи появления ротонд в Киеве и Смоленске только подтверждают это — они построены для нужд католических заказчиков и, по-видимому, под руководством иноземных зодчих, хотя и местными мастерами-строителями.

Центрические храмы появляются вновь в русском зодчестве уже в XVI в. В 1508 г. в Московском Кремле итальянским архитектором Боном Фрязиным возводится храм-колокольня Иоанна Лествичника (колокольня Ивана Великого), имеющая ярко выраженный центрический план[88]. В 1514-1517 гг. в Высоко-Петровском монастыре итальянским же зодчим Альвизе

Ламберти да Монтаньяна, прозванным на Руси Алевизом Новым, была построена церковь Петра Митрополита, которая представляет собой многолепестковую ротонду, увенчанную световым восьмериком-барабаном и завершенную граненым шлемовидным покрытием, являющимся по своей сути куполом[89]. В 1535 г. в Хутынском монастыре в Новгороде возводится церковь Григория Армянского. Как показали проведенные В. А. Булкиным археологические исследования этой не дошедшей до нас постройки, это была ротонда, окруженная восьмигранной галереей[90]. Центрическая схема лежит и в основе плана первого шатрового храма — церкви Вознесения в Коломенском (1532 г.)[91]. С этого времени на протяжении всего XVI столетия столпообразные и шатровые храмы, в основе которых лежит центрическая композиция, выходят на магистральную дорогу развития древнерусского зодчества и практически становятся основным его типом, хотя и не вытесняют традиционную крестовокупольную схему. Главные постройки, возведенные по заказам московских государей, принадлежат именно к этому, новому для древнерусского зодчества, типу столпообразных и шатровых храмов (церковь Георгия в Коломенском, Воскресенская церковь в селе Городне, церковь Иоанна Предтечи в Дьякове и др.). Наконец, центрическая схема лежит и в основе таких сложных композиций, как собор Покрова на Рву (Василия Блаженного) в Москве и собор Бориса и Глеба в Старице[92].

Рассмотрение проблемы происхождения и развития этого типа храмов — предмет самостоятельного исследования, совершенно не входящий в задачи нашей статьи и, к тому же, уже подвергшийся фундаментальному изучению в работах таких ученых, как А. И. Некрасов[93], М. А. Ильин[94], П. А. Раппопорт[95]. Поэтому отметим здесь лишь наиболее важные для нашей темы моменты. Причин, вызвавших появление и широкое распространение храмов центрического типа в архитектуре XVI в., было много, и вряд ли следует выделять какую-либо из них, считая ее основной. Прежде всего, это внутренняя тенденция развития самого древнерусского зодчества с его ярко выраженным стремлением к динамичной вертикальной композиции. Центрическая схема, в основе которой лежали ротонда или многогранник, как нельзя более способствовала созданию особо выразительных композиций столпообразных и шатровых храмов. Нельзя не учитывать и другую причину: большая роль в развитии этих типов, особенно на начальном этапе, в первой трети XVI в., принадлежала работавшим в Москве итальянским мастерам. Благодаря им упорные поиски вариантов центрической композиции как символа наивысшей гармонии, столь характерные для творчества мастеров итальянского Возрождения — Браманте и Леона Батисты Альберти, нашли свое отражение и в древнерусском зодчестве[96]. Появление ротондальных или полигональных планов не обошлось без импульса со стороны европейской архитектуры.

Но есть и еще два обстоятельства, объясняющих распространение этих храмов в русской архитектуре XVI в. На первое из них обратил внимание М. А. Ильин. Он сделал очень важный вывод о том, что пристальный интерес государства в лице Василия III и Ивана IV к таким сооружениям был не случаен — его обусловило стремление зрительно воплотить в архитектуре образ Горнего Града — Иерусалима, новым воплощением которого, по мысли этих государей, становилась Московская Русь[97]. Таким образом, здесь вновь всплывает иерусалимская тема, изначально связанная с центрическими храмами[98].

Второе обстоятельство заключается в том, что инициатором строительства шатровых и столпообразных храмов было, как правило, именно госу-

дарство, поскольку церковь явно предпочитала им традиционный крестовокупольный тип[99]. В этом — правда, весьма опосредованно — нашла свое отражение другая традиционная функция центрических построек — служить храмами частных владельцев-феодалов, хотя и с весьма существенной поправкой: теперь в лице этих феодалов — великих князей московских — выступало все государство.

В XVII в. церковь, прежде вынужденная мириться с волей государства и санкционировать такое строительство, в лице патриарха Никона берет реванш и запрещает возведение шатровых храмов, вновь возвращая русскую архитектуру на проторенную дорогу использования канонизированного крестовокупольного образца.

Тем не менее патриарху Никону принадлежала идея прямого повторения на Руси храма Святого Гроба Господня и часовни-ротонды на Елеонской горе, которая была осуществлена в середине XVII в. на берегах подмосковной реки Истры[100]. Грандиозная, увенчанная огромным шатром ротонда Новоиерусалимского монастыря и возведенная там же небольшая Елеонская часовня стали уникальными в истории древнерусского зодчества примерами прямого копирования иерусалимских образцов.

Последний раз центрический храм, в основе которого лежит многолепестковая ротонда, выходит на авансцену древнерусского зодчества на закате его истории, в самом конце XVII в. В период между 1670-ми годами и началом XVIII столетия в пригородных усадьбах знатнейших боярских родов одна за другой появляются подобные постройки. Они возводятся во владениях Нарышкиных (села Жолчино и Фили), Прозоровских (Петровское-Дурнево и Зюзино), Голицыных (Дубровицы и Перово), Шереметевых (Уборы), Бестужевых (Воскресенки), Волынских (Волынское-Полуэктово) и других вельмож. Анализ этих памятников требует большого самостоятельного исследования и не является целью нашей статьи, поэтому остановимся лишь вкратце на проблеме их происхождения. Исследователи древнерусского зодчества указывают на разные источники этого типа памятников. Их видят и в развитии идеи, заложенной в Новоиерусалимском храме[101], и в использовании архитектурных образцов западноевропейского барокко[102], и в прямом воздействии плановой структуры собора Донского монастыря в Москве, который, в свою очередь, отражает традиции украинских крестчатых церквей[103]. Наверное, ответить определенно на этот вопрос нельзя, поскольку композиция вотчинного центрического храма сложилась под влиянием — в той или иной степени — всех перечисленных факторов. Впрочем, одно обстоятельство хотелось бы отметить. Все названные постройки (за исключением собора Донского монастыря) являются частновладельческими храмами высшей знати Московского государства и расположены на землях их владельцев, что даже дало основание Г. К. Вагнеру рассматривать эту группу памятников как "боярско-княжеский вотчинный (усадебный) жанр"[104]. Так, в самом финале развития архитектуры русского Средневековья (затянувшегося до конца XVII в.) неожиданно и своеобразно проявляется функция центрического храма, свойственная раннесредневековому европейскому зодчеству, — функция дворцового и частновладельческого рыцарского храма. Подобно тому как некогда центрические храмы строились в пфальцах, палатиумах и замках высшей феодальной знати, так и теперь они возводятся в усадьбах представителей знатнейших родов русского боярства. Конечно, вряд ли следует усматривать здесь прямую зависимость — слишком велика временная и историческая дистанция, — однако, учитывая, что у истоков возникновения этого функционального типа стоял такой прозападно настро-

енный заказчик, как князь В. В. Голицын[105], эта аналогия может оказаться не столь уж случайной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1979, p. 135-136.

2 *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983, с. 51-52.

3 *Strzygowski J.* Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903, S. 91-92.

4 *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры, с. 74.

5 Там же, с. 99-100.

6 Там же, с. 101.

7 Там же, с. 101-103.

8 Там же, с. 103-104.

9 *Mango C.* Byzantine Architecture. N. Y., 1976, p. 30-35.

10 *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры, с. 103-104.

11 Там же, с. 23-25.

12 *Mango C.* Byzantine Architecture, p. 129-130.

13 Там же, p. 132-136, 138, 140.

14 *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture, p. 94-96.

15 Там же, p. 82-86.

16 *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры, с. 132-140.

17 *Мнацаканян С. Х.* Звартноц. М., 1971, с. 59-75.

18 *Миятев К.* Архитектурата и средневековна България. София, 1965, с. 95-103.

19 См.: *Grabar A.* Martyrium. Vol. 1. P., 1943.

20 См.: *Khatchatrian A.* Les baptistères paleochrètiens. P., 1962.

21 *Harvey W.* Church of the Holy Sepulchre. L., 1935.

22 *Giovenale G. B.* Battisterio Lateranense. Rome, 1930.

23 *Mole W.* Deux problèmes des relations entre la France et le Sud-Est Européen dans le domaine de l'art préroman // Biuletyn Historii Sztuki. 1958, XX, № 2, s. 132-138; *Hawrot J.* Problematyka przedromanskich i romanskich rotund balkanskich, czeskich i polskich // Biuletyn Historii Sztuki. 1962, XXIV, № 3/4, s. 255-263.

24 *Rozpedowski J.* Ze studiow nad palatiami w Polsce // Там же, s. 243-254.

25 *Swoboda K.* Das Florentiner Baptisterium. Berlin-Wien, 1918; *он же.* Zur Analyse des Florentiner Baptisteriums // Kunstwissenschaftliche Forschungen. 1933, II, S. 63-74; *Лазарев В. Н.* Происхождение итальянского Возрождения. Т. 1. М., 1956, с. 70-72.

26 *Gervers-Molnàr V.* A középkori Magyarorszag rotundai. Budapest, 1972, p. 30-31, 86.

27 *Guth K.* Ceskě rotundy // Památky archeologické. T. XXXIV. Praha, 1924, s. 113-188; *Hawrot J.* Problematyka przedromanskich i romanskich rotund... s. 255-284; *Merhautova-Liviriva A.* Einfache mitteleuropäische Rundkirchen. Praha, 1970.

28 См.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

29 *Poulik J.* Dve velkomaravské rotundy v Mikulcicich. // Momunenta Archaelogica. XII. Praha, 1963.

30 Sztuka Polska przedromanska i romanska do schytku XIII wieku. T. I-1. Warszsawa, 1971, s. 166; *Swiechowski Z.* Wczesna architektura piastowska okolo roku 1000 // Poczatki Panstwa Polskiego. T. II. Poznan, 1962, s. 249.

31 *Merhautová A.* Raňye stýredovýeká architektura v Cechách. Praha, 1971, s. 112-113, 122-123, 237, 252-254, 322-323, 271.

32 Sztuka Polska przedromanska i romanska... t. I-I, s. 139.

33 *Mencl V.* Panske tribuny v nasi romanské architekture // Umeni. 1965, № 13, s. 33.

34 *Merhautová A.* Rane stredoveká architektura v Cechách, s. 159, 298.

35 *Gervers-Molnàr V.* A közepkori Magyarorszag rotundai, p. 58-59, 89.

36 *Seesselberg Fr.* Die frühe-mittelalterliche Kunst der germanischen Völker. B., 1897, S. 77-89; *Lorenzen V.* Églises à plan rayonnant en Danemark // Revue de l'art chretien. Lille, 1907, p. 145-155; *Frölen H. F.* Nordens befästa rundkyrkor, I. Stockholm, 1911; *Schultz C. G.* En rundkirke i Roskilde. Fra Nationalmuseets arbejdsmark 1950. Kobenhavn, 1950, s. 143; *Martensson T.* Borg och rundkyrka // Rig. T. 19. Stockholm, 1936, s. 264; *Anderson I.* Hagby Fästningskyrka // Fornvanen, 1967, s. 22; *Zandberga R.* Rigas viduslaiku nozuduso arhitekturas pieminekliu meklejmi // Muzeji in Kultùras pieminekli. Riga, 1973, s. 13.

37 *Якобсон Л. А.* Архитектура // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989, с. 496-519.

38 А. А. Ратич в коллективной монографии "Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час" (Київ, 1967, с. 167, 169).

39 *Frazik J. T.* Relikty rotundy pod prezbiterium katedry przemyskiej w świetle dotychczasowych badań // Biuletyn Historii Sztuki. 1962, XXIV, № 2, s. 223; Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев, 1990.

40 *Могытыч И. Р.* Архитектура Галицкой и Волынской земель XII-XIV вв. в свете новых открытий // Архитектурное наследство. Вып. 37. М., 1990, с. 212.

41 См.: *Иоаннисян О. М.* К вопросу об интерпретации перемышльских ротонд // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981, с. 121-122; *он же.* Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши // Acta archaeologica Carpathica. T. XXVII. Kraków, 1988, s. 214.

42 См.: *Иоаннисян О. М.* К вопросу об интерпретации перемышльских ротонд, с. 121-122; *он же.* Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши, с. 215-216.

43 *Могитич І. Р.* З історії міжслов'янських зв'язків у сфері раньосередньовічної архітектури. Галицько-Волинська Русь та західні слов'яни X-XIII ст. // З історії міжслов'янських зв'язків. Київ, 1983, с. 24; *Могытыч И. Р.* Архитектура Галицкой и Волынской земель... с. 212.

44 *Zaliziecky Vl.* Hradni kaple v Horjanech // Památki archeologicke. D. XXXIV. Praha, 1924/25, s. 372-394.

45 *Gervers-Molnàr V.* A közepkori Magyarorszàg rotundai, p. 46-52, 87-88.

46 *Иоаннисян О. М.* Центрические постройки в галицком зодчестве XII в. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 172. М., 1982, с. 39-46; *он же.* Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века // Советская археология. 1983, № 1, с. 231-244.

47 *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII вв. М., 1988, с. 49.

48 *Gervers-Molnàr V.* A közepkori Magyarorszàg rotundai, p. 58-59, 89.

49 *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII-XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 146. М., 1976, с. 53-59.

50 *Иоаннисян О. М.* Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века, с. 231-244.

51 *Каргер М. К.* Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // Краткие сообщения Института археологии АН ССР. Вып.81. М., 1960, с. 70-71.

52 *Swiechowski Z.* Budownictwo romańskie w Polsce. Wroclaw-Warszawa-Kraków, 1962, s. 258-261.

53 *Merhautová A.* Rane stredoveká architektura v Cechách, s. 306-307.

54 *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 140. Л., 1967, с. 191-192.

55 См.: *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984, с. 87-90.

56 *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII-XIII вв., с. 54-55, примеч. 7.

57 *Иоаннисян О. М.* Центрические постройки в галицком зодчестве XII в., с. 45-46.

58 *Gervers-Molnàr V.* A középkori Magyarország rotundai, p. 58-59, 89.

59 См.: *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI-XV вв.) // *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 230.

60 История Византии, Т.2. М., 1967, с. 326.

61 *Ярема В.* Кам'яні свідки місіонерської діяльності слов'янських апостолів // Православний вісник. 1971, № 1, с. 28-32.

62 *Беляев С. А.* Где крестился князь Владимир? // Памятники культуры. Новые открытия. 1988, М., 1989, с. 531-540.

63 Там же, с. 534.

64 *Могытыч И. Р.* Архитектура Галицкой и Волынской земель... с. 209-214.

65 Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность Б. П. Томенчуку, исследовавшему этот памятник, за детальное ознакомление с материалами раскопок Олешковской ротонды и многолетнюю помощь в исследованиях памятников Галича.

66 *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв., с. 191.

67 *Пастернак Я.* Старий Галич. Краків-Львів, 1944, с. 78.

68 *Боровський Я. С., Толочко П. П.* Київська ротонда // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 90-103.

69 Там же, с. 101-102.

70 См.: *Пуцко В. Г.* Каменный рельеф из киевских находок // Советская археология. 1981, № 2, с. 230-231; *он же.* Искусство Киевской Руси на рубеже XII-XIII вв. // Исследования "Слова о полку Игореве". Л., 1986, с. 144-145.

71 См.: *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. Киев, 1982, с. 39.

72 *Щавелева Н. И.* Киевская миссия польских доминиканцев // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984, с. 145. О католических церквах в домонгольском Киеве см. также: *Стороженко А. В.* О существовавших в г. Киеве римско-католических храмах // "Eranos". Сб. статей по литературе и истории в честь проф. Н. П. Дашкевича. Киев, 1906, с. 242-245.

73 *Щавелева Н. И.* Послание епископа краковского Матвея Бернару Клервоскому об "обращении русских" // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975, М., 1976, с. 113-121.

74 *Авдусин Д. А.* Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник в честь 60-летия А. В. Арциховского. М., 1962, с. 243-253.

75 Там же, с. 253.

76 *Раппопорт П. А.* "Латинская церковь" в древнем Смоленске // Новое в археологии. М., 1972, с. 283-289; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979, с. 140-150.

77 Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953, с. 67-68, 71; Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М., 1963, с. 39, 61.

78 *Frölen H. F.* Nordens befästa rundkyrkor, 1, s. 15.

79 *Martensson T.* Borg och rundkyrka, s. 264.

80 *Lorenzen V.* Eglises à plan rayonnant en Danemark, p. 150-151.

81 *Anderson I.* Hagby Fästningskyrka, s. 22.

82 *Svahnström G.* Kyrkorna i Visby. Uddevalla, 1985, s. 32-36.

83 *Каргер М. К.* Вновь открытые памятники XII-XIII вв. во Владимире-Волынском // Уч. зап. ЛГУ. 1958, № 252, серия истор. наук, вып. 29, с. 22-33.

84 *Лонгвин Г.* Ротонда во Владимире-Волынском // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1952, с. 33-42.

85 Там же, с. 39. *М. Валицкий* датировал ротонду только в пределах XIII в. (см.: *Walicki M.* Sredniowieczne cerkwie Wlodzimierza // Rocznik wolynski. T. II. Równe, 1931, s. 377-382).

86 *Раппопорт П. А.* Волынские башни // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31. М., 1952, с. 212, 215-219, 221-222; *Kutylowska J.* Zabytkowy zespól warowno-kultowy w Stolpiu // Zeszyt Biura Badań i Dokumentazji Zabytkow w Chelmie. № 2/81, cz. I-II.

87 *Раппопорт П. А.* Волынские башни, с. 202-223.

88 *Ильин М. А.* Архитектура // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977, с. 283-284; Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982, с. 323-324.

89 Ранее эта церковь датировалась концом XVII в. и считалась возведенной на месте алевизовской постройки (см.: *Дедушенко Б. П.* К истории ансамбля московского Высоко-Петровского монастыря // Древнерусское искусство XVII в. М., 1964, с. 253-271; *он же.* Собор Петра Митрополита Высоко-Петровского монастыря в Москве // Труды НИИ культуры. Т. 35. Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. 4. М., 1976, с. 158-173), однако недавно проведенные тем же Б. П. Дедушенко исследования, к сожалению, пока еще остающиеся неопубликованными, показали, что она полностью сохранилась от начала XVI в., а в конце XVII в. была только заново декорирована. С этой новой датировкой церковь и вошла в свод памятников архитектуры Москвы (см.: Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989, с. 181-182).

90 *Булкин В. А.* Новые данные о каменных постройках Хутынского монастыря и Гостиного двора в Новгороде // Археологические открытия 1981 года. М., 1983, с. 10.

91 *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М., 1980, с. 29-42.

92 Там же, с. 85-96.

93 *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII вв. М., 1936, с. 245-295.

94 *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество...

95 *Раппопорт П. А.* Русское шатровое зодчество конца XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М., 1949, с. 238-301.

96 *Булкин В. А.* Итальянизмы в древнерусском зодчестве XVI века. Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 14.

97 *Ильин М. А.* Каменная летопись Московской Руси. М., 1966, с. 50-52.

98 См.: Баталов А. Л., Вятчанина *Т. Н.* Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI-XVII вв. // Архитектурное наследство. Вып. 36. М., 1988, с. 22-37.

99 *Булкин В. А.* Итальянизмы в древнерусском зодчестве XVI века, с. 14.

100 *Ильин М. А.* Каменная летопись Московской Руси, с. 176-204; *Баталов А. Л., Вятчанина Т. Н.* Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца... с. 36-39.

101 *Некрасов А. И.* Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества // Ежегодник Музея архитектуры. Т. 1. М., 1937, с. 9-51; *Ильин М. А.* Проблемы "московского барокко" XVII века // Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1956 г. М., 1957, с. 337; *Баталов А. Л., Вятчанина Т.Н.* Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца... с. 39-40.

102 *Некрасов А. И.* Архитектура Истры и ее значение... с. 18.

103 *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII века, с. 358-360; *Аренкова Ю. И., Мехова Г. И.* Донской монастырь. М., 1970, с. 19-23; *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М., 1970, с. 111; *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне. М., 1990, с. 225-226. См. также: *Флиер А. Я.* Эволюция планов православных каменных храмов на территории Украины с X по середину XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 35. М., 1987, с. 89.

104 *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне, с. 226-233.

105 *Вагнер Г. К.* О происхождении центричных композиций в русском зодчестве конца XVII века // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961, с. 130, 132.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Табл. I. Ротонды в раннехристианской и византийской архитектуре.

1. Константинополь. Церковь Сергия и Вакха; около 527 г.
2. Равенна. Церковь Сан-Витале; 546 г.
3. Филиппы, Северная Македония. Центрический храм V–VI вв.
4. Амфиполис, Греция. Центрический храм V—VI вв.
5. Босра, Сирия. Кафедрал; 512—513 гг.
6. Русафа (Сергиополь), Сирия. Гробничная церковь; VI в.
7. Апамея, Сирия. Центрический храм; VI в.

Табл. II. Центрические храмы в архитектуре Армении VII в.

1. Звартноц.
2. Храм в Багаране.
3. Храм в Мастара.
4. Храм в Воскепаре.
5. Храм в Зораворе близ Егварда.
6. Храм в Иринде.

Табл. III. Дворцовые храмы-ротонды. Планы.

1. Аахен. Капелла Карла Великого; конец VIII — начало IX в.
2. Задар, Далмация. Церковь св. Доната; IX в.
3. Преслав, Болгария. Круглая церковь; конец IX — начало X в.
4. Острув-Ледницки, Польша. Ротонда и палатиум; конец X — начало XI в.
5. Геч, Польша. Ротонда и палатиум; конец X — начало XI в.
6. Вислица, Польша. Ротонда и палатиум; конец X — начало XI в.
7. Краков, Польша. Ротонда св. Девы Марии и палатиум в Вавельском замке; конец X — начало XI в.

Табл. IV. Ротонды Великой Моравии. IX в. Планы.

1. Микульчице. Храм № 6.
2. Микульчице. Храм № 7.
3. Микульчице. Храм № 9.
4. Старое Место. Ротонда.

Табл. V. Ротонды в польской архитектуре XI в. Планы.

1. Плоцк.
2. Стронье.
3. Цешин.
4. Стрельно.

Табл. VI. Ротонды в архитектуре Чехии, Венгрии, Трансильвании. XI—XIII вв. Планы.

1. Прага, Чехия. Костел св. Креста; XI в.
2. Прага, Чехия. Костел св. Лонгина; XI в.
3. Добржиховице, Чехия. Костел св. Мартина и Прокопа; XII в.
4. Голубице, Чехия. Костел Рождества Богоматери; XII в.
5. Старый Пльзенец, Чехия. Костел св. Петра; XII в.
6. Ржип, Чехия. Церковь св. Иржи; XII в.
7. Пржедни-Копанина, Чехия. Костел Марии Магдалины; XII в.
8. Либоун, Чехия. Костел св. Вацлава; XII в.
9. Як, Венгрия. Капелла св. Якоба; XIII в.
10. Папоц, Венгрия. Капелла св. Михаила; XIII в.
11. Одоргей, Трансильвания. Капелла; XIII в.
12. Гурусада, Трансильвания. Капелла; XIII в.

Табл. VII. Ротонды в архитектуре Северной Европы XII—XIII вв. Планы.

1. Бьернеде, Дания; XII в.
2. Нюларскер, о-в Борнхольм, Дания; XII в.
3. Остерларскер, о-в Борнхольм, Дания; XII в.
4. Висби, о-в Готланд, Швеция. Церковь св. Духа; XII в.

Табл. VIII. Перемышльские ротонды; X в.

1. Ротонда и палатиум.
2. Ротонда св. Николая.

Табл. IX. Храмы-квадрифолии в московской архитектуре конца XVII в. Планы.

1. Большой собор Донского монастыря в Москве.
2. Церковь в селе Уборы.
3. Церковь Покрова в Филях.
4. Церковь Знамения в Дубровицах близ Подольска.

Иллюстрации.

1. Микульчице, Великая Моравия. Храм № 6; IX в.
2. Микульчице, Великая Моравия. Храм № 9; IX в.
3. Прага, Чехия. Часовня св. Креста; XI в.
4. Ржип, Чехия. Церковь св. Иржи; XII в.
5. Пржедни-Копанина, Чехия. Костел Марии Магдалины; XII в.
6. Одоргей, Трансильвания. Капелла; XIII в.
7. Як, Венгрия. Капелла св. Якоба; XIII в.
8. Папоц, Венгрия. Капелла; XIII в.
9. Хатби, Швеция. Ротонда; XII в.
10. Бьернеде, Дания. Ротонда; XII в.
11. Горяны близ Ужгорода. Ротонда; XIII в.
12. Галич. Церковь пророка Ильи; XII в. (план).
13. Галич. Ротонда-квадрифолий у села Побережье; XII в. (план).
14. Галич. "Полигон"; XII в. (план).
15. Городище Олешков. Деревянный храм-ротонда; XII в. (реконструкция плана).
16. Киев. Ротонда; XII в. (аксонометрия).
17. Киев. Ротонда; XII в. (общий вид раскопанных остатков).
18. а. Смоленск. Ротонда; XII в. (план).
    б. Хатби, Швеция. Ротонда; XII в. (план).
19. Владимир-Волынский. Михайловская церковь; вторая половина XIII в. (план).

20. Владимир-Волынский. Васильевская церковь; конец XIII—XIV в. (план).
21. Владимир-Волынский. Васильевская церковь; конец XIII—XIV в.
22. Столпье. Башня-донжон; XIII в. (разрез и план часовни в верхнем ярусе башни).
23. Москва. Церковь Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре; 1514—1517 гг. (архитектор Альвизе Ламберти да Монтаньяна, Алевиз Новый; перестроена в 1690-х годах).
24. Новгород. Хутянский монастырь, церковь Григория Армянского; 1535 г. (раскопки Вал.А.Булкина).
25. Иерусалим. Храм Гроба Господня; IV в. (план).
26. Истра. Новоиерусалимский монастырь, главный храм; XVII в. (план).
27. Церковь Покрова в Филях.
28. Церковь Знамения в Дубровицах близ Подольска.

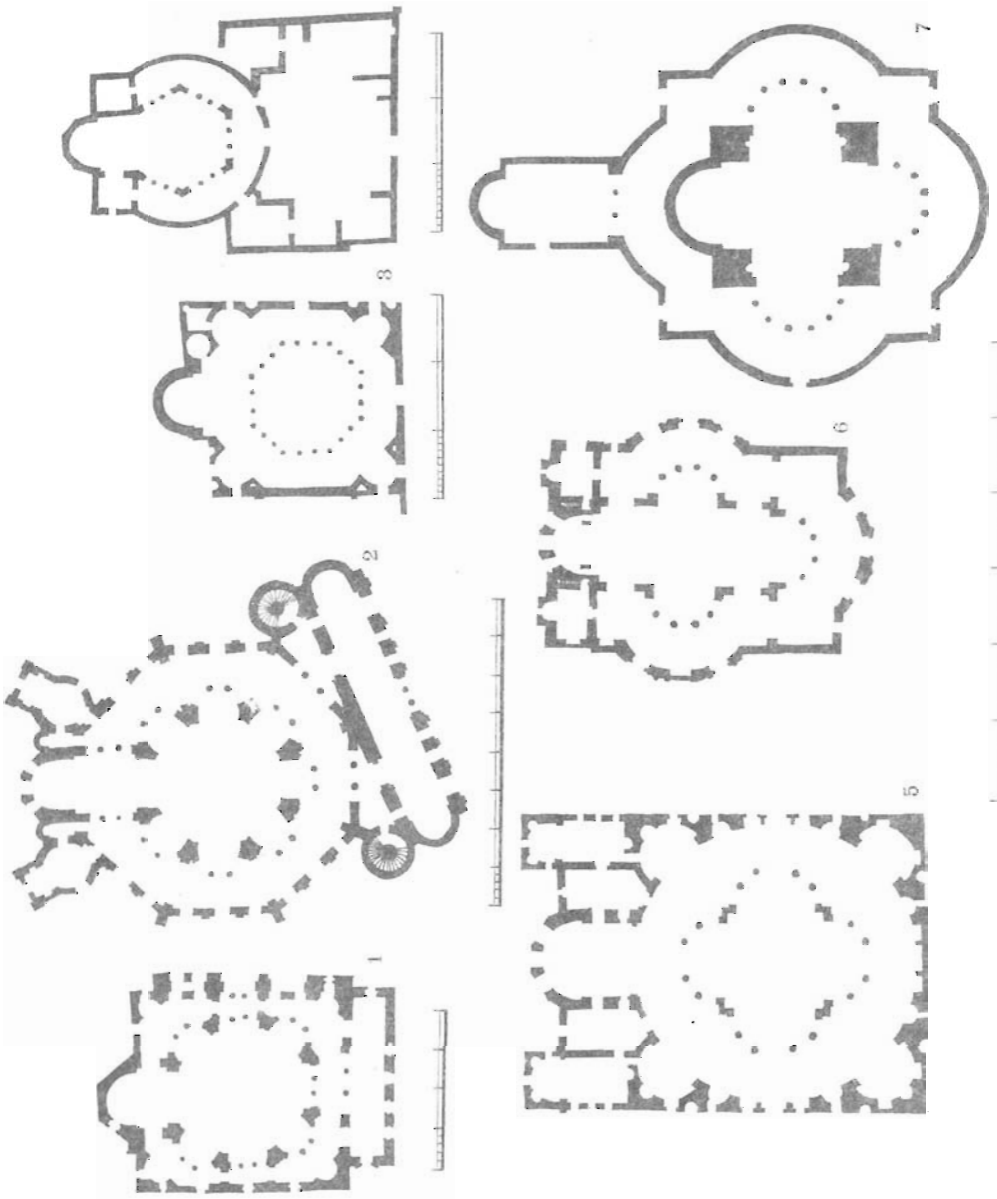


Табл. I. Ротонды в раннехристианской и византийской архитектуре

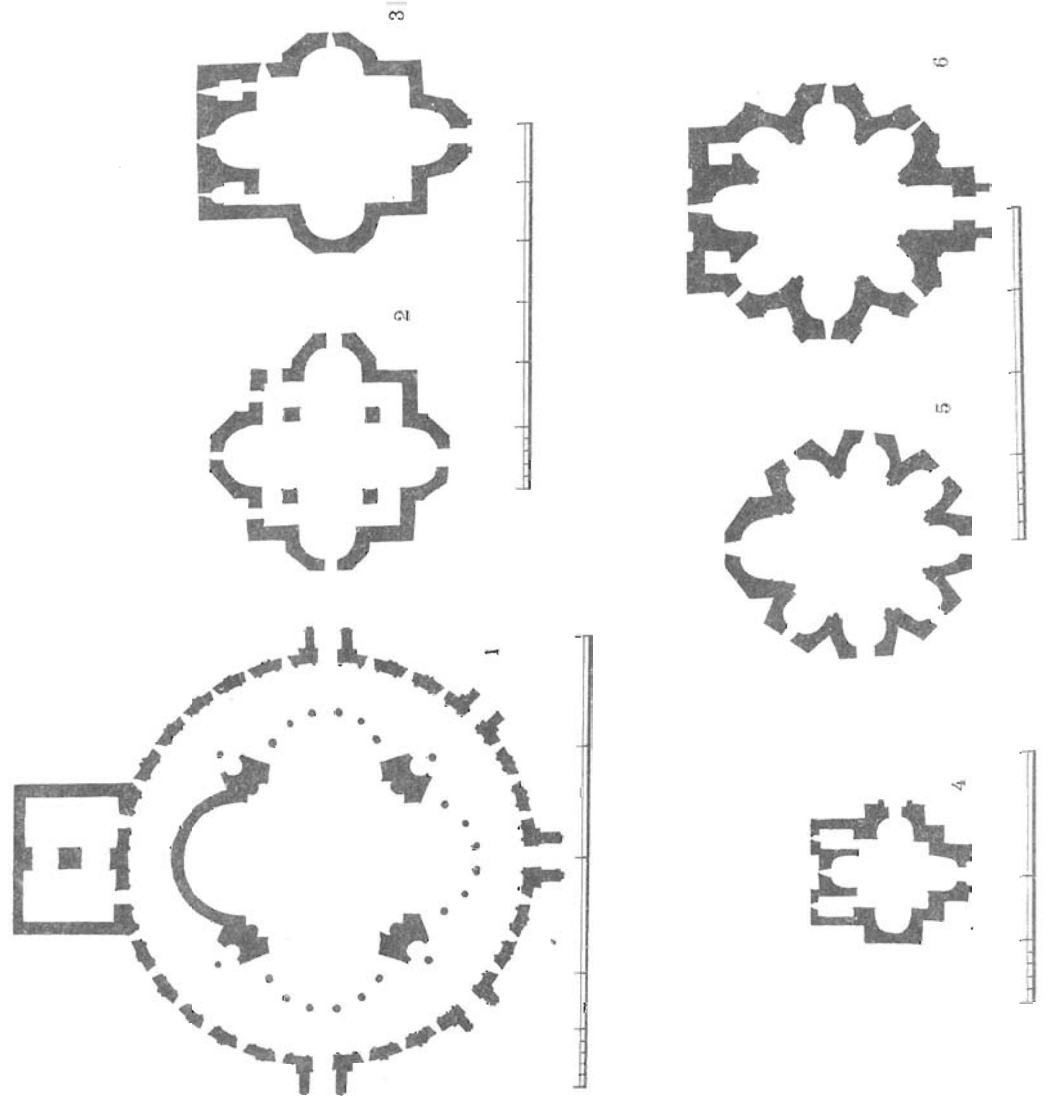


Табл. II. Центрические храмы в архитектуре Армении VII в.

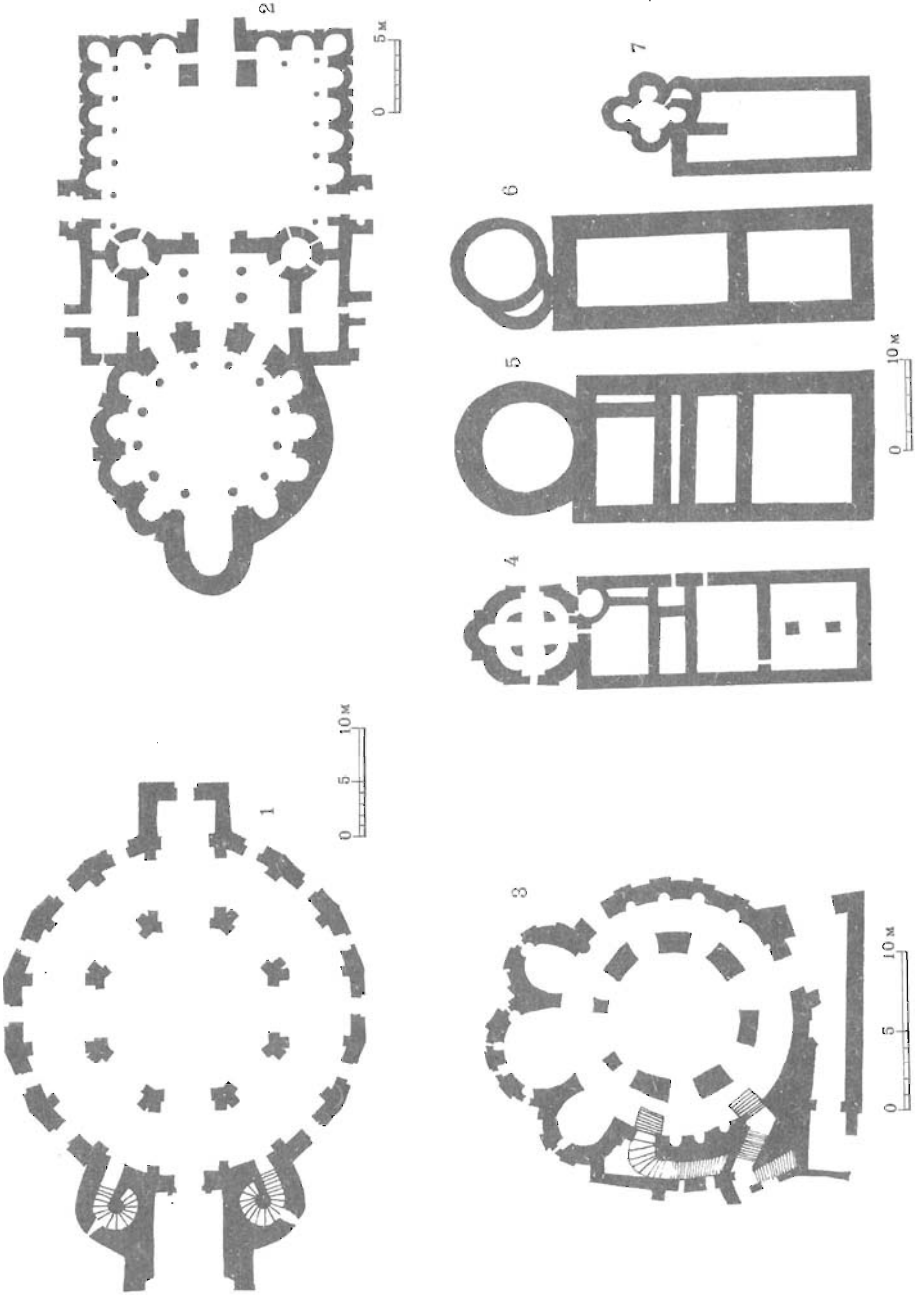


Табл. III. Дворцовые храмы-ротонды. Планы

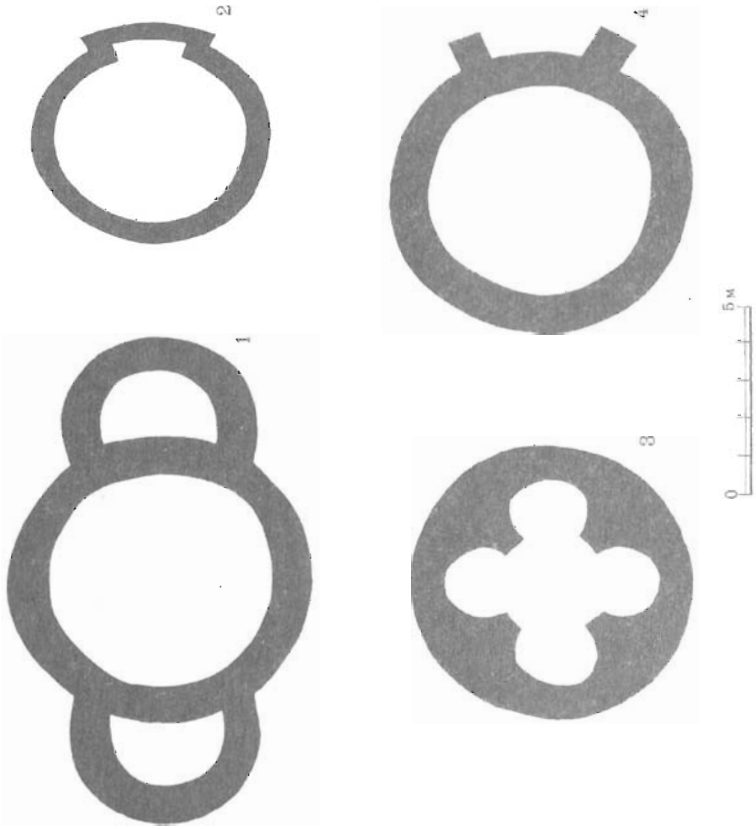


Табл. IV. Ротонды Великой Моравии. IX в. Планы

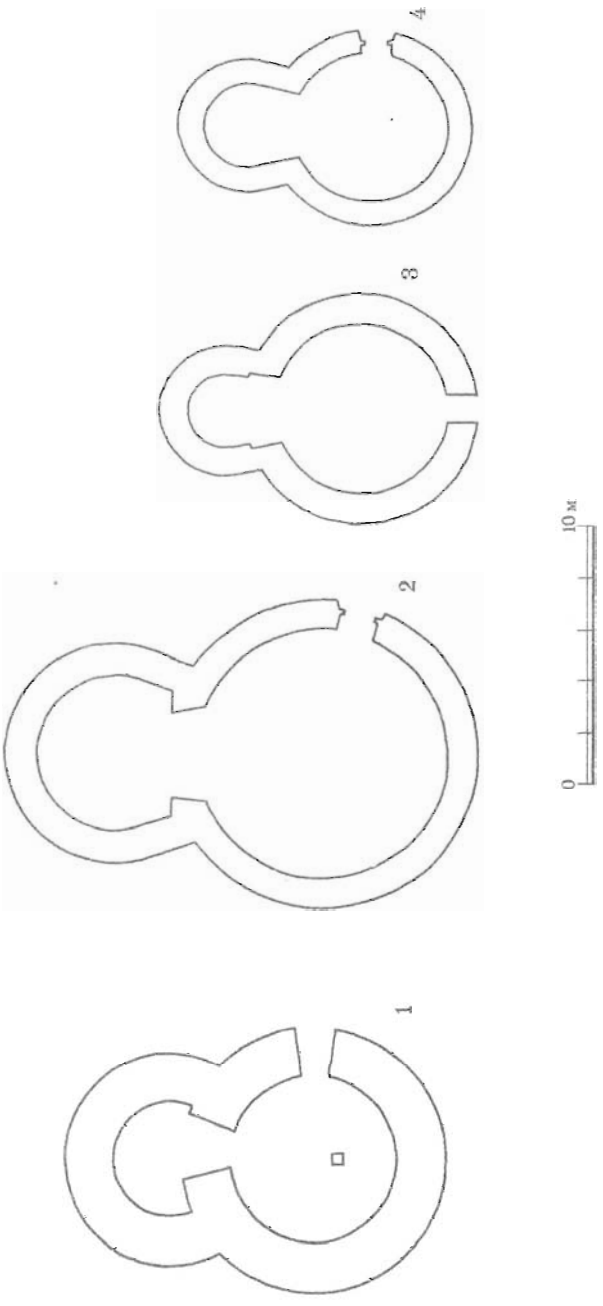


Табл. V. Ротонды в польской архитектуре XI в. Планы

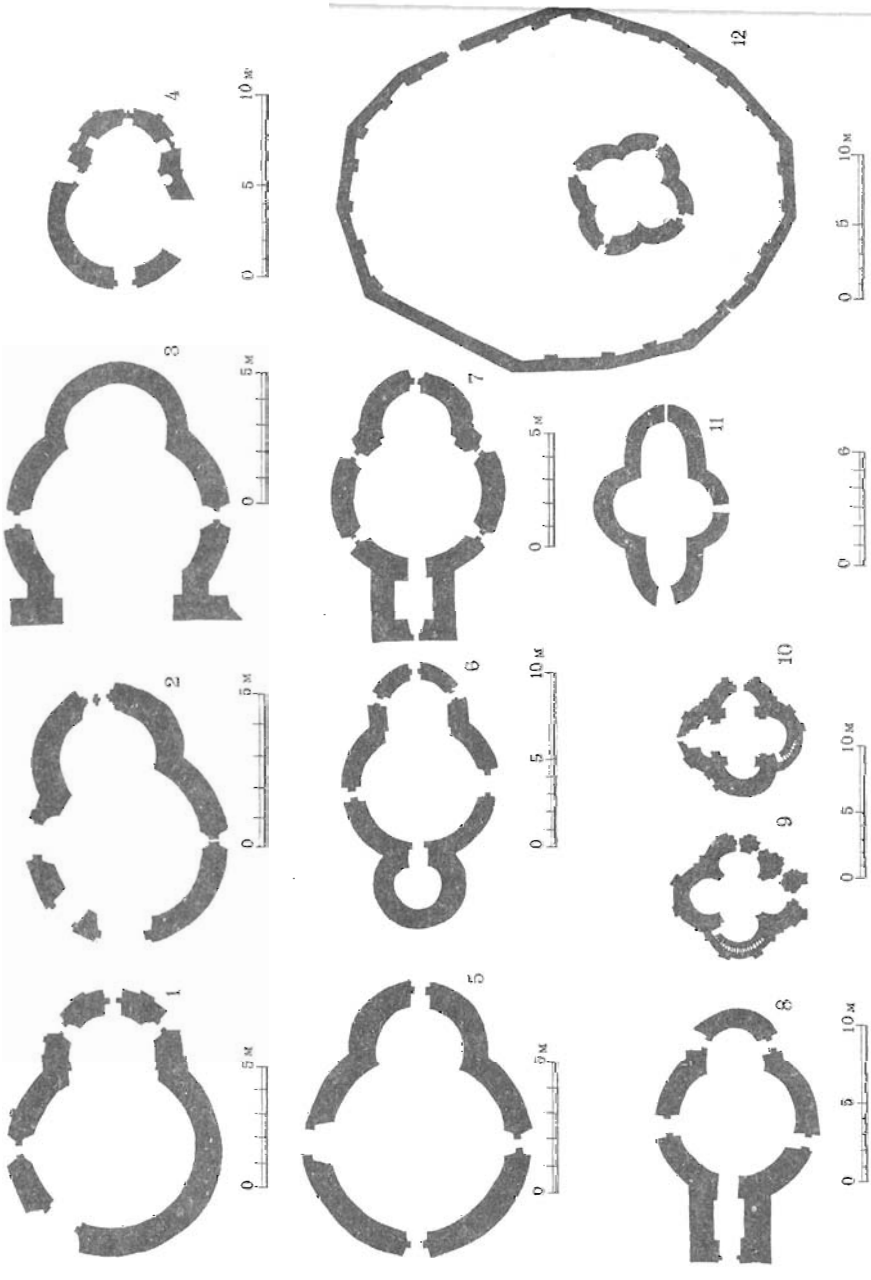


Табл. VI. Ротонды в архитектуре Чехии, Венгрии, Трансильвании. XI—XIII вв. Планы

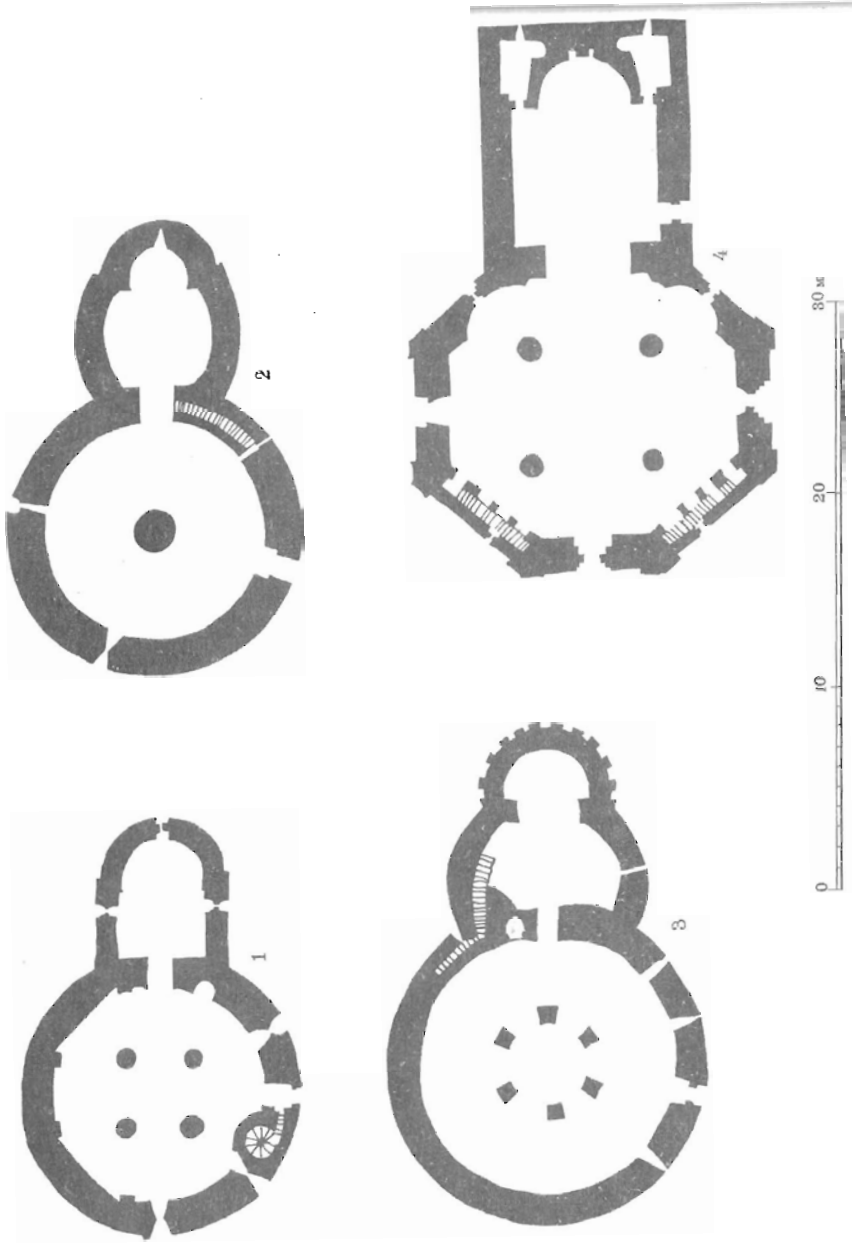


Табл. VII. Ротонды в архитектуре Северной Европы XII—XIII вв. Планы

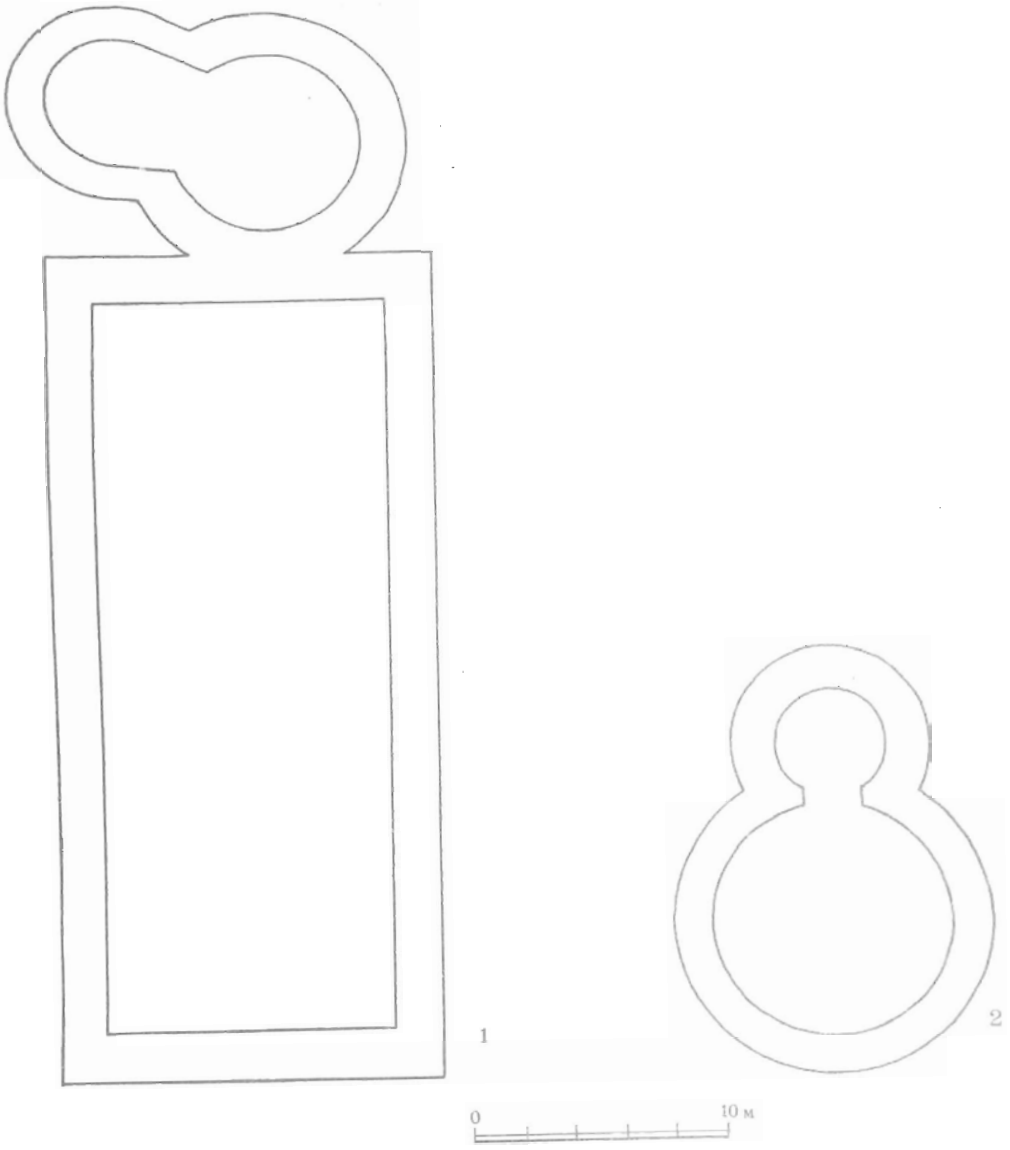


Табл. VIII. Перемышльские ротонды; X в.

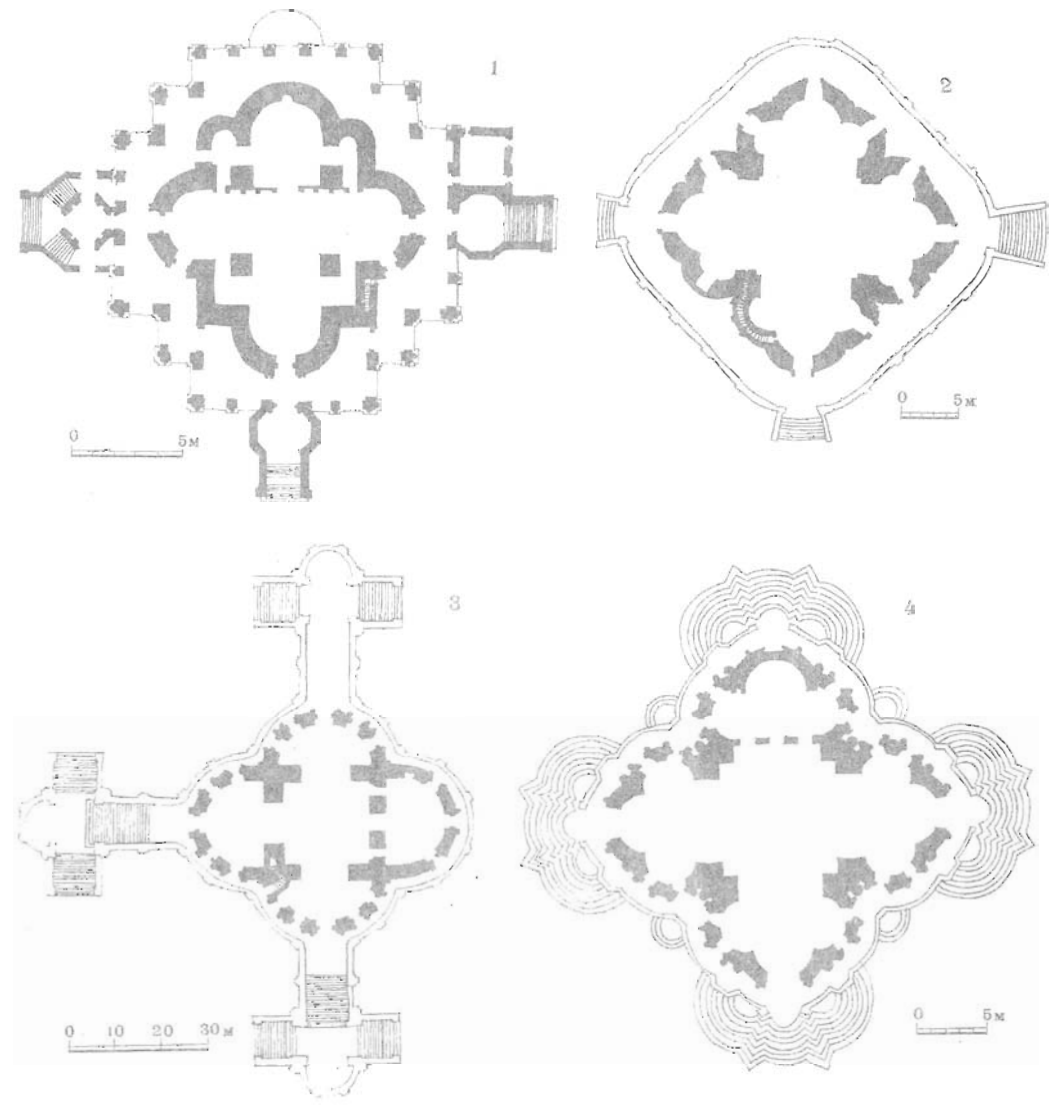
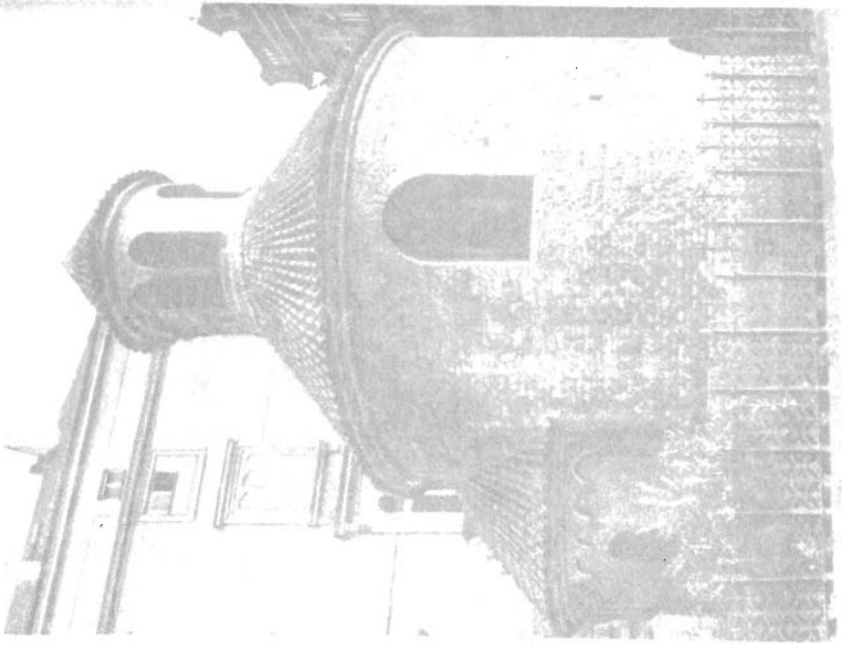
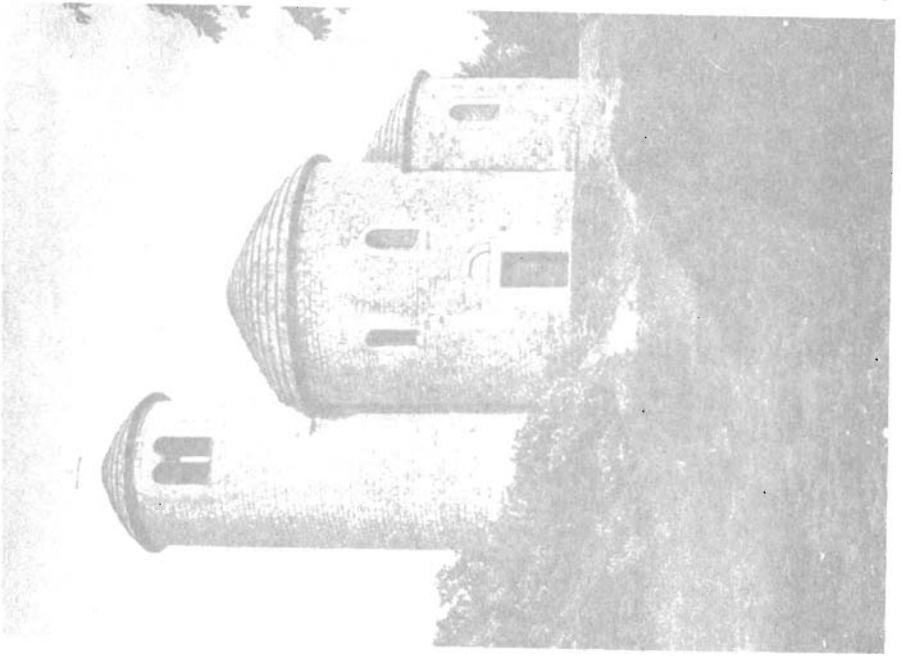


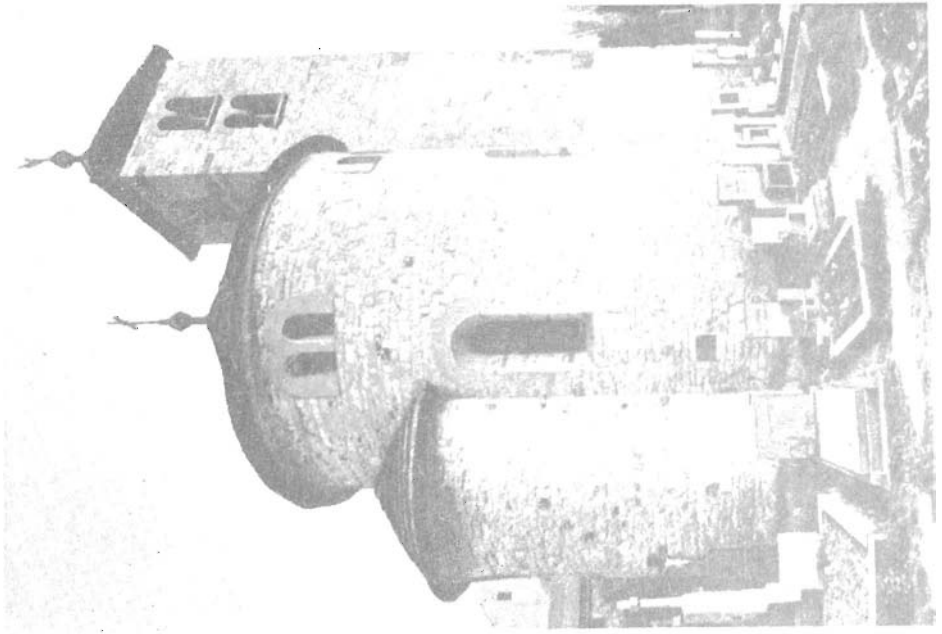
Табл. IX. Храмы-квадрифолии в московской архитектуре конца XVII в. Планы

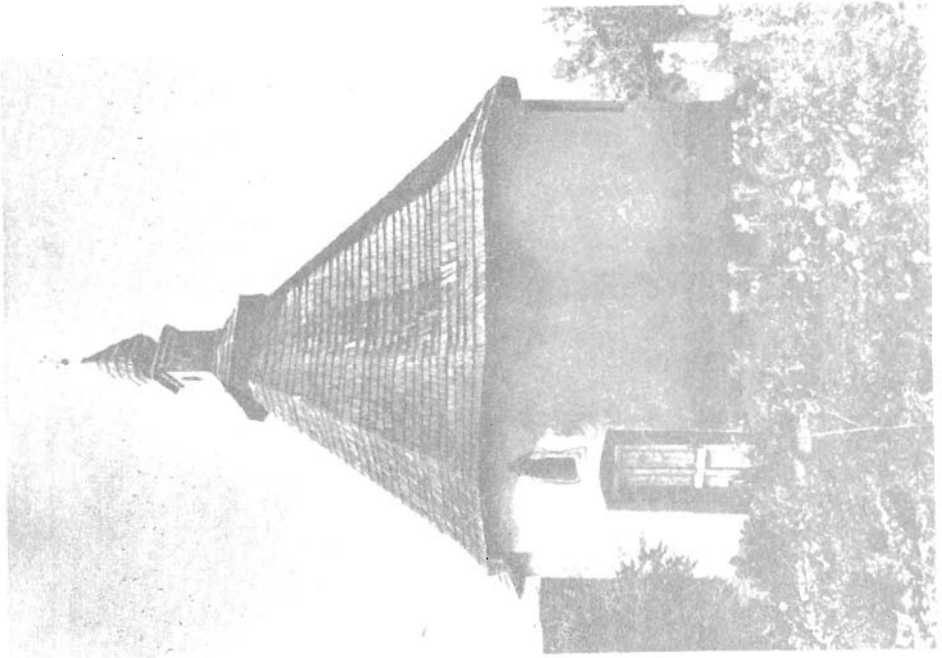
1. Микульчице, Великая Моравия. Храм № 6; IX в.
2. Микульчице, Великая Моравия. Храм № 9; IX в.



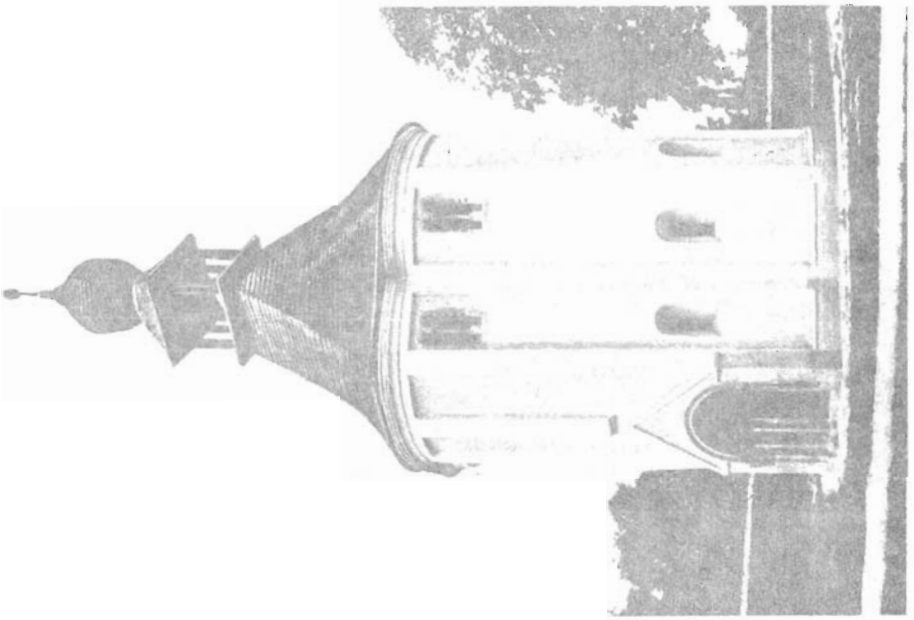


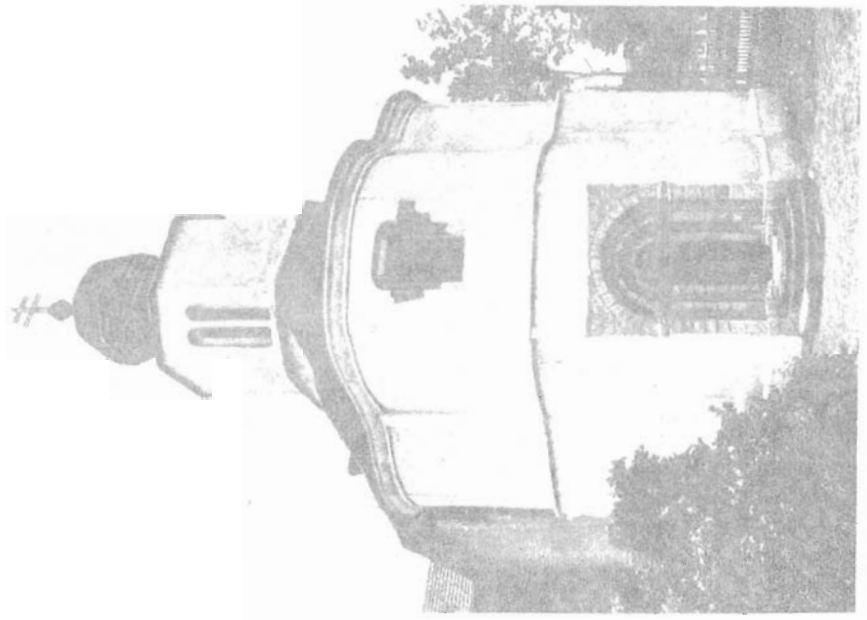
3. Прага, Чехия. Часовня св. Креста; XI в
4. Ржип, Чехия. Церковь св. Иржи; XII в



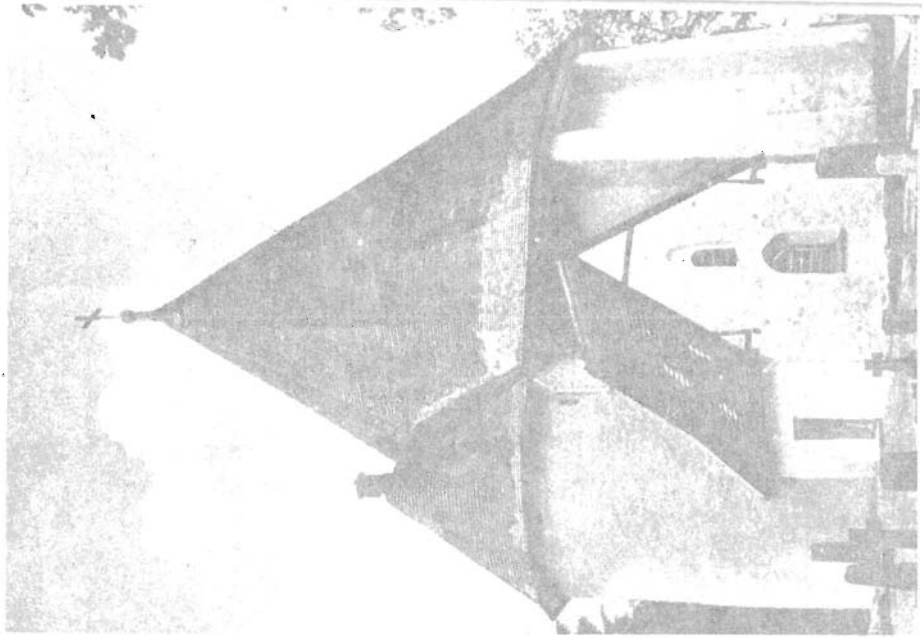


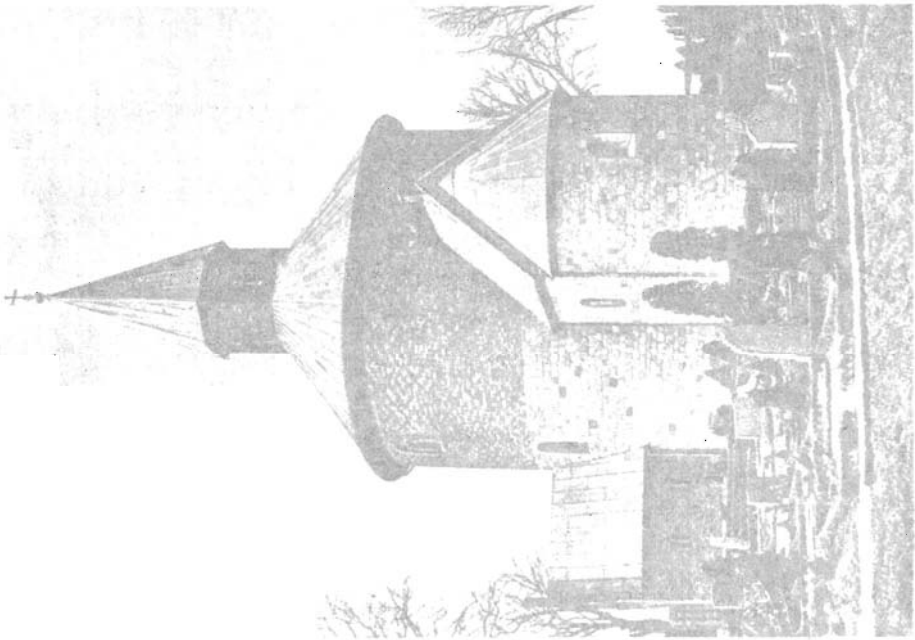
5. Пржедни-Копанина, Чехия. Костел Марии Магдалины; XII в
6. Одоргей, Трансильвания. Капелла; XIII в.



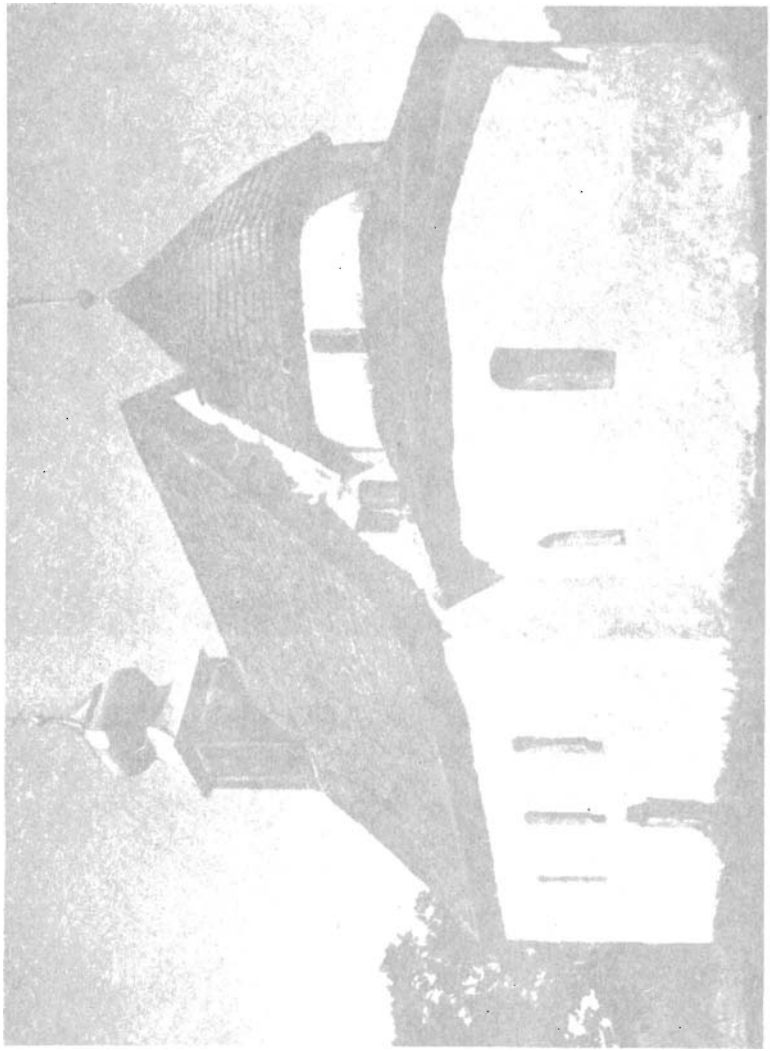


7. Як, Венгрия. Капелла св. Якоба; XIII в.
8. Папоц, Венгрия. Капелла; XIII в.

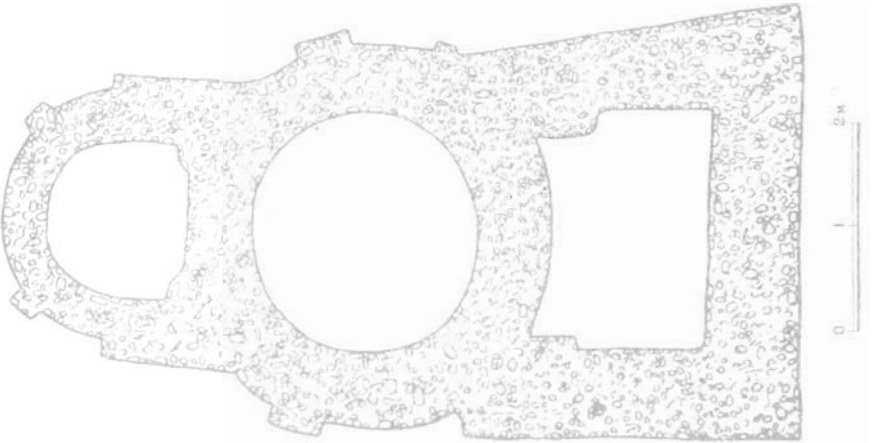


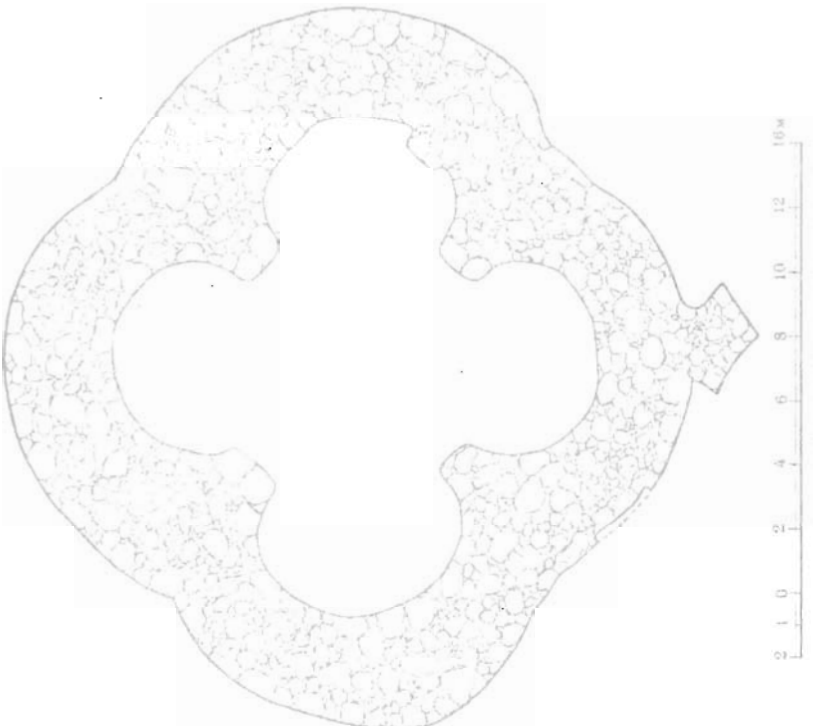


9. Хатби, Швеция. Ротонда; XII в.
10. Бьернеде, Дания. Ротонда; XII в.

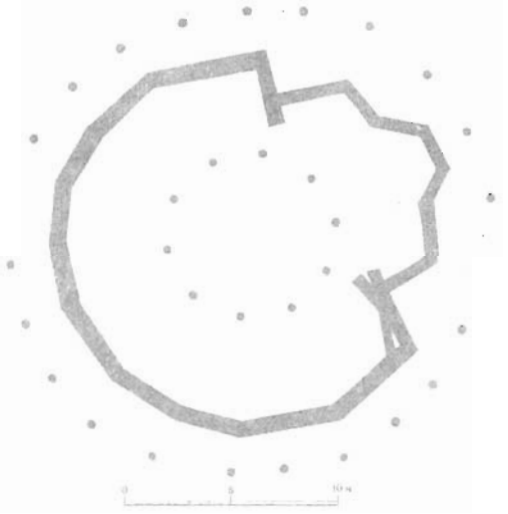


11. Горяны близ Ужгорода. Ротонда. XIII в.



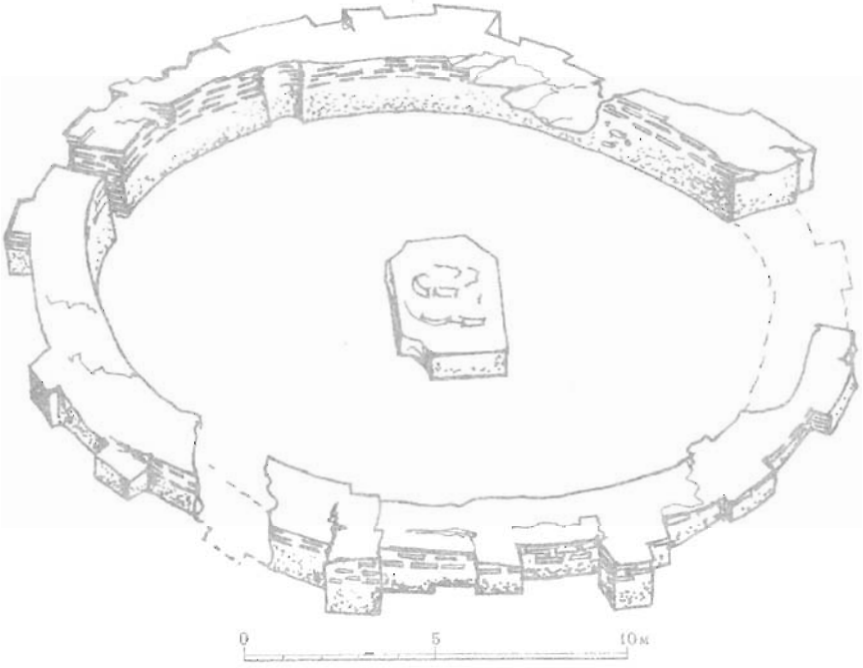


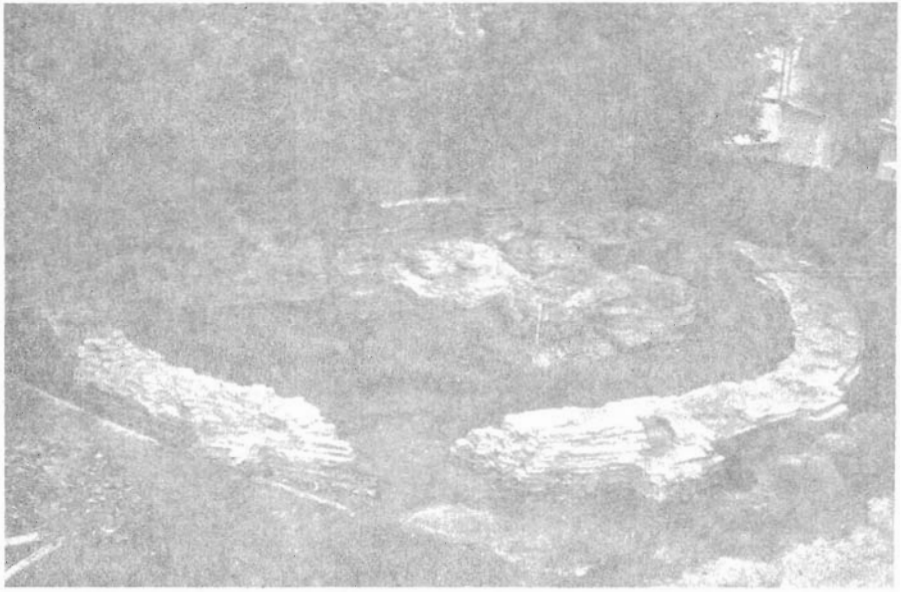
12. Галич. Церковь пророка Ильи, XII в. (план)
13. Галич. Ротонда-квадрифолий у села Побережье; XII в. (план)



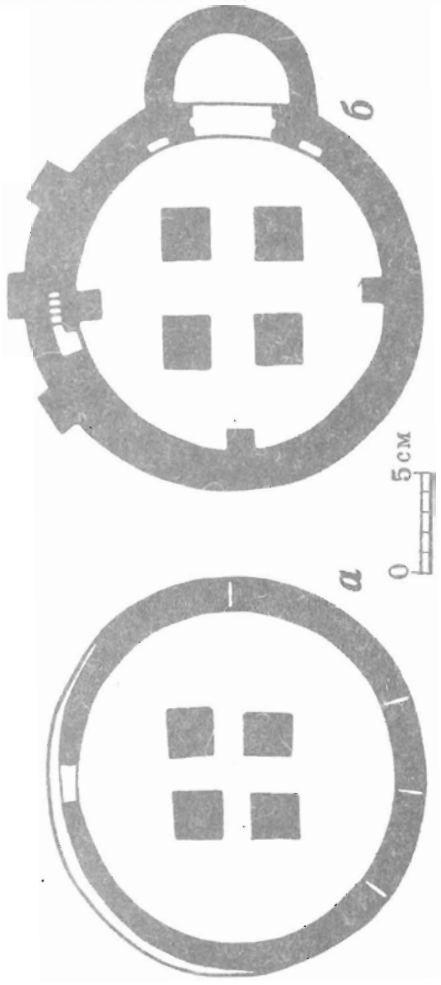
14. Галич. "Полигон"; XII в. (план)

15. Городище Олешков. Деревянный храм-ротонда; XII в. (реконструкция плана)

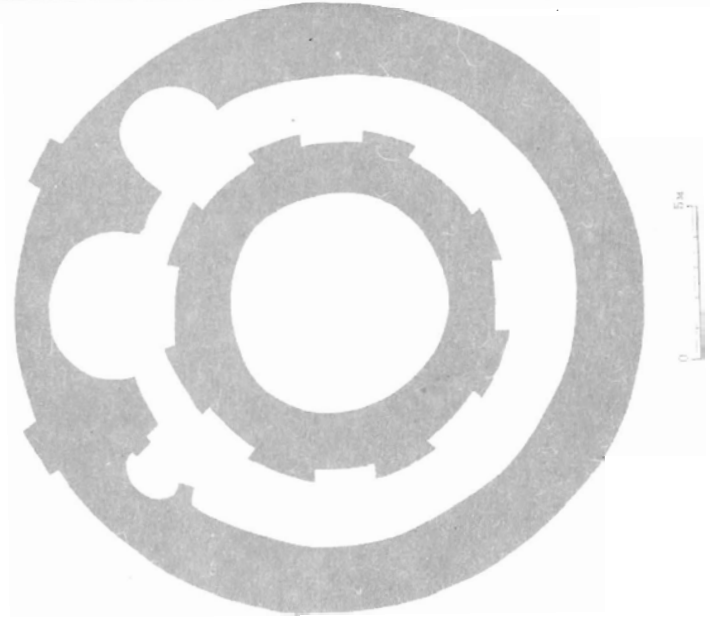


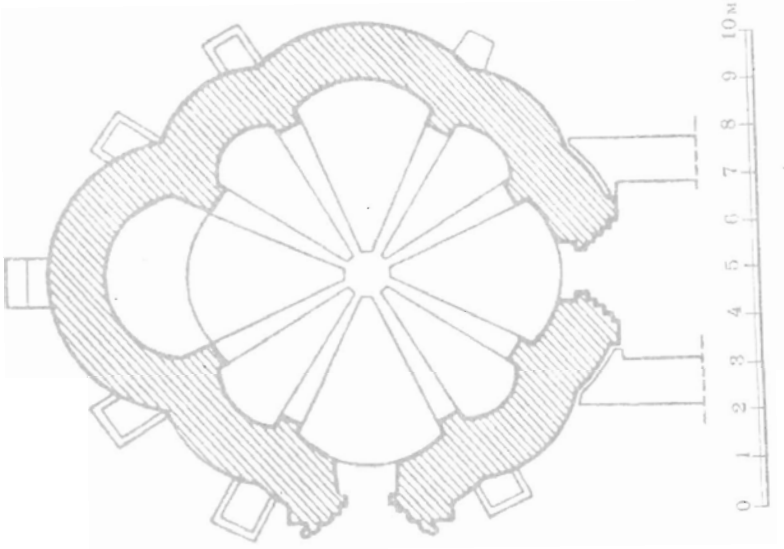


16. Киев. Ротонда; XII в. (аксонометрия)
17. Киев. Ротонда; XII в. (общий вид раскопанных остатков)



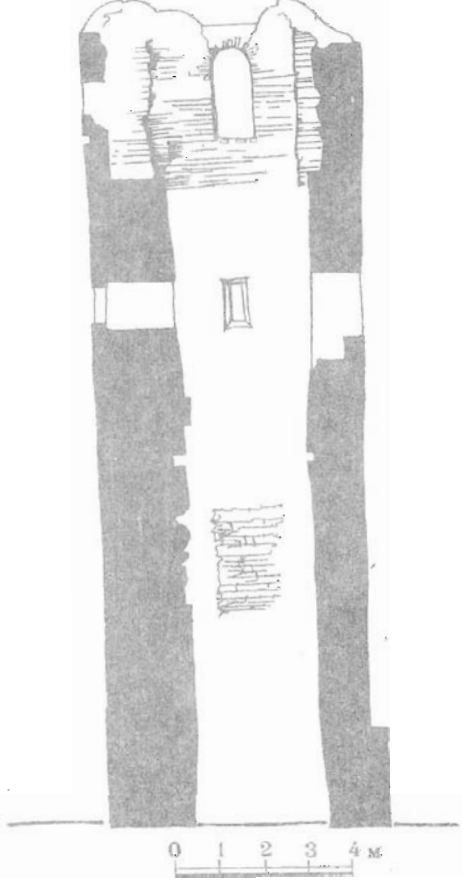
18. а. Смоленск. Ротонда; XII в. (план)
б. Хагби, Швеция. Ротонда; XII в. (план)





19. Владимир-Волынский. Михайловская церковь; вторая половина XIII в. (план)
20. Владимир-Волынский. Васильевская церковь; конец XIII—XIV в. (план)

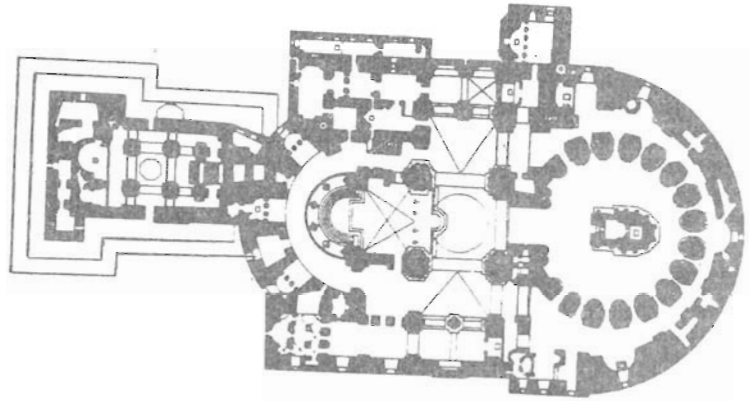
21. Владимир-Волынский. Васильевская церковь; конец XIII—XIV в.

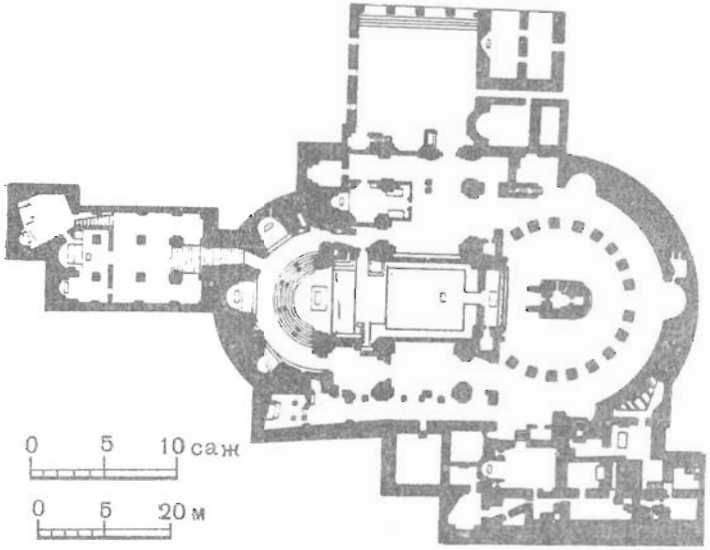


22. Столпье. Башня-донжон; XIII в.
(разрез и план часовни в верхнем ярусе башни)

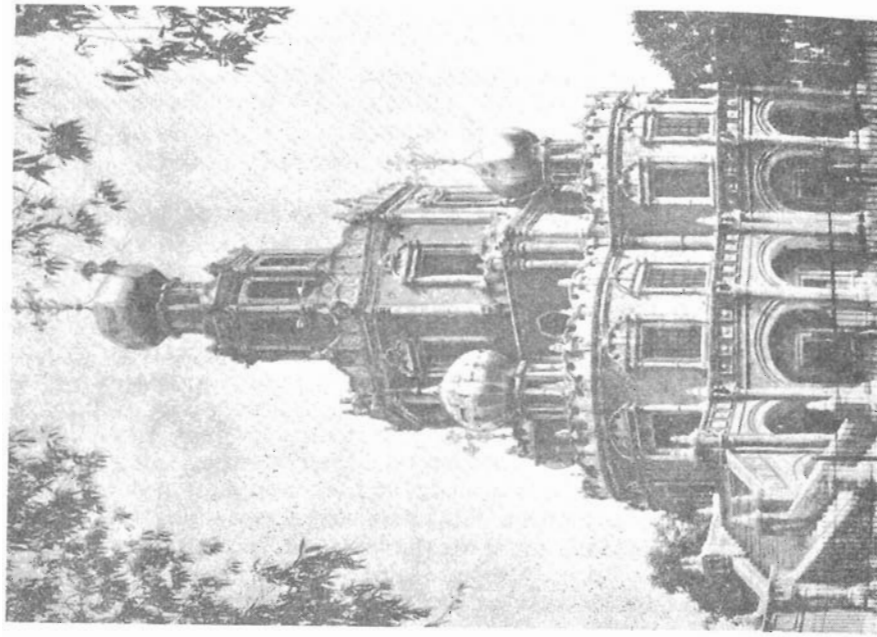
23. Москва. Церковь Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре; 1514—1517 гг. (архитектор Альвизе Ламберти да Монтаньяна, Алевиз Новый; перестроена в 1690-х годах)

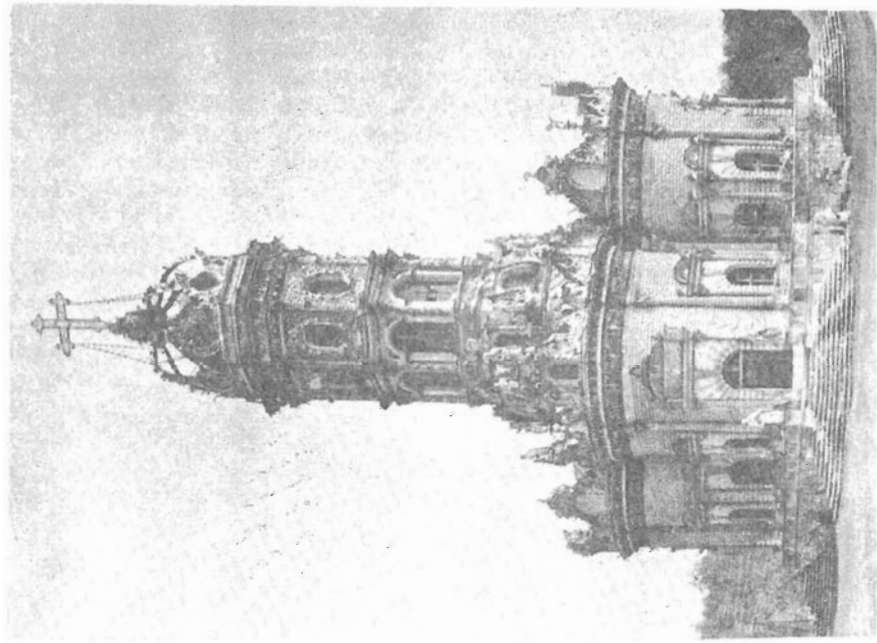
24. Новгород. Хутянский монастырь, церковь Григория Армянского; 1535 г. (раскопки Вал.А.Булкина)





25. Иерусалим. Храм Гроба Господня; IV в. (план)
26. Истра. Новоиерусалимский монастырь, главный храм; XVII в. (план)





27. Церковь Покрова в Филях
28. Церковь Знамения в Дубровицах близ Подольска